

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

161

**ПАМЯТНИКИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

верхность имеет ободок шириной 0,6 см и высотой до 6,5 см, в котором прорезаны три прямоугольных отверстия для уздечного ремня (рис. 1, 4). К. Ф. Смирнов предполагает, что эти бляхи принадлежали недоуздку, при котором необязательны удила и псалии. Сравнивая по орнаменту костяные псалии первого типа и бляхи из погребения 2, он датирует их тем же временем, что и псалии, т. е. XV—XII вв. до н. э. Следует также отметить, что центральный кружок с точкой в центре очень сходен с центральным же рисунком на лунницевидной бляхе с поселения у с. Кировского.

Таким образом, по сходству орнамента описываемых вещей все они хронологически являются одновременными и датируются началом I тысячелетия до н. э.

¹ Лесков А. М. Кировское поселение. Киев, 1970, с. 12.

² Там же, с. 47.

³ Там же, с. 46.

⁴ Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887, т. I, табл. IV, 7; СПб., 1901, т. III, табл. XVIII, рис. 2, 7.

⁵ Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, с. 103, рис. 74, 4 и с. 189.

⁶ Прягин А. Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево. — СА, 1972, 3, с. 233 и сл., рис. 3.

⁷ Там же, с. 235, рис. 2, 1—6.

⁸ Прягин А. Д. Отчет о раскопках Шиловского поселения в 1970 году. — Архив ИА АН СССР, № 4145, с. 32, альбом, рис. 37, 7.

⁹ Там же, с. 31—32, рис. 36, 5, 7.

¹⁰ Там же, с. 34, 41.

¹¹ Прягин А. Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, с. 189.

¹² Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. — МИА, 1958, № 60, с. 226, рис. 9.

¹³ Там же, с. 227.

¹⁴ Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. — СА, 1961, № 1, с. 50, рис. 3.

В. А. АЛЕКСИН

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ЮЖНОТУРКМЕНСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ

(по материалам захоронений)

В эпоху бронзы (период Намазга V) на юге Туркмении существовала высокоразвитая культура протогородского, или раннегородского, типа¹. Период расцвета в подгорной полосе неожиданно сменяется упадком (комплекс Намазга VI). Б. А. Куфтин считал, что культура периода Намазга V погибла под ударами вторгнувшихся с севера племен степной бронзы². В. М. Массон связывал причину упадка с кризисом оседлого земледелия в подгорной полосе³. Позднее он выдвинул предположение, что появление комплекса Намазга VI обусловлено взаимодействием обоих указанных факторов⁴.

Основанием для выдвижения гипотезы о вторжении племен степной бронзы в земледельческие оазисы южной Туркмении послужили находки керамики андроновидного типа на поселениях древних земледельцев либо в непосредственной близости от них⁵. Часть керамики этого типа, судя по стратиграфическим наблюдениям, датируется серединой II тысячелетия до н. э.⁶, т. е. временем сложения комплекса Намазга VI. Тем не менее предположение о том, что причина упадка культуры осед-

ных земледельцев в подгорной полосе связана с инфильтрацией племен степной зоны Средней Азии, остается недоказанным. Главным возражением против этой гипотезы является тот факт, что керамический комплекс времени Намазга VI складывается на основе керамического комплекса Намазга V. Отсюда был сделан вывод, что культура Намазга VI генетически связана с культурой Намазга V⁷. Основываясь на предполагаемом генетическом родстве земледельческих культур развитой и поздней бронзы Туркмении, исследователи, однако, существенно расходятся в оценке последующих событий на юге Средней Азии. Согласно одной точке зрения, население культуры Намазга VI вошло в прямой контакт со степными племенами, причем их взаимоотношения не всегда были мирными⁸. Сторонники другой гипотезы вообще подвергают сомнению возможность проникновения степных скотоводческих племен в земледельческие оазисы, утверждая, что керамика кочевнического облика, найденная на земледельческих поселениях, является кухонной посудой местного оседлого населения⁹. Принципиально иную позицию занимает В. И. Сариниди. Он оспаривает тезис о генетическом родстве культур Намазга VI и V, по крайней мере для Мургабского оазиса. В. И. Сариниди считает, что в середине II тысячелетия до н. э. из восточного Ирана в северный Афганистан, южный Узбекистан и дельту Мургаба проникает скотоводческо-земледельческое население. Часть его смешивается в Мургабском оазисе с местным населением культуры Намазга V. В результате этого смешения возникает культура Намазга VI. На юге Узбекистана появляется близкородственная мургабскому варианту культуры Намазга VI культура Сапалли. В дельте Мургаба население культуры Намазга VI вступает в прямой контакт с племенами степной бронзы. Связи эти носили вполне мирный характер¹⁰. В. И. Сариниди убедительно показал, что грубая лепная керамика степного типа, найденная на земледельческих поселениях Маргианы, не является местной продукцией, а принадлежит племенам степного круга¹¹.

С нашей точки зрения, проблема генетической связи комплексов Намазга V и VI может быть решена путем детального анализа всех археологических компонентов культуры эпохи поздней бронзы юга Туркмении. Рассмотрим с этой целью погребальный обряд.

Наиболее значимыми элементами погребального обряда для решения затронутой в данной статье проблематики являются: а) форма погребального сооружения; б) компановка (состав) наборов погребального инвентаря; в) тип погребения (одиночное, парное, коллективное); г) положение умершего в могиле и его ориентация.

Проследим по этим основным компонентам эволюцию погребальных обрядов древнеземледельческих племен юга Туркмении.

В раннем и развитом энеолите (Намазга I, II) умерших хоронят в могилах на поселениях. Покойные лежат в скорченном положении, на боку, головой на юг. Погребальный инвентарь состоит из одного-двух глиняных сосудов и бус. В позднем энеолите наряду с одиночными погребениями появляются коллективные захоронения в толосах¹², которые, вероятно, служили семейными усыпальницами¹³. Оба вида захоронений найдены только на поселениях. Сохраняется южная ориентация умерших, хотя в ряде случаев отмечена северная ориентировка. Появляются первые свидетельства имущественного неравенства населения. В отдельных могилах, кроме керамики и бус, найдены бронзовые украшения (булавки, лопаточки). В одном захоронении лежала женская статуэтка.

Традиции коллективных и одиночных захоронений, сложившиеся в эпоху энеолита, продолжают в эпоху бронзы (комплексы Намазга IV и V). Умершие захоронены в культурном слое поселений. Господствует северная ориентировка покойников. Все изменения в погребальных обрядах по сравнению с предшествующим периодом связываются с углублением процесса имущественной и социальной дифференциации населения. Появляются захоронения с украшениями из бронзы (кольца, лопаточки,

булавки с зооморфными навершиями), золота и серебра (кольца, булавки). Известны богатые захоронения с печатями, женскими статуэтками, культовыми вещами, оружием. В бедных могилах либо вообще нет инвентаря, либо он представлен одним-двумя глиняными сосудами и бурами.

В целом по характеру погребального обряда можно говорить о генетической линии развития погребальных обрядов подгорной полосы юга Туркмении в эпоху энеолита, ранней и средней бронзы (табл. 1).

В период Намазга VI умершие захоронены в культурном слое поселений¹⁴. Возможно, что в это время появляются обособленные могильники¹⁵. Сохраняется северная ориентировка, но в целом погребальный обряд претерпевает существенные изменения (см. рис. 1). Исчезают коллективные захоронения. Женские статуэтки, оружие, бронзовые лопаточки, украшения из благородных металлов, печати с геометрическими узорами, изображениями животных и птиц в могилах отсутствуют. Вместо них в могилах появляются украшения иного рода: бронзовые браслеты, кольца, серьги, височные подвески, диадемы, шпильки. Подобный набор украшений ранее не был характерен для захоронений подгорной полосы. Все указанные новшества в погребальном обряде времени Намазга VI не могут быть выведены из комплекса Намазга V. Эти инновации чрезвычайно существенны для понимания хода культурно-исторического процесса в рассматриваемое время. Они скорее всего свидетельствуют о том, что отдельные группы инокультурного населения проникли в среду оседлого населения подгорной полосы.

Украшения того же типа, что и обнаруженные в захоронениях подгорной полосы культуры Намазга VI, характерны для племен степной бронзы¹⁶. Сейчас получен новый материал¹⁷, подтверждающий ранее высказанную точку зрения¹⁸ о том, что во второй половине II тысячелетия до н. э. племена степной бронзы вплотную приблизились к земледельческому оазису. На поселении Тахирбай 3 в дельте Мургаба известен случай трупосожжения¹⁹. Трупосожжение характерно для племен степной бронзы Средней Азии²⁰. В предшествующие периоды энеолита и бронзы обряд трупосожжения на поселениях земледельцев юга Туркмении не зафиксирован²¹. Данные антропологии прямо свидетельствуют о наличии во II тысячелетии до н. э. в подгорной полосе и Мургабском оазисе примеси протоевропеоидного антропологического типа, характерного только для племен степной бронзы, к местному средиземноморскому расовому типу²². Все же общий облик материальной культуры периода Намазга VI позволяет утверждать, что генезис этого комплекса не может быть связан с племенами степной бронзы.

Обычай помещать в могилы бронзовые браслеты, серьги, височные подвески, шпильки, кольца и т. д. следует искать среди других племен Средней Азии, материальная культура которых близка культуре периода Намазга VI в Туркмении. В Средней Азии есть только одна культура, которая отвечает этим требованиям. Речь идет о культуре Сапалли, памятники которой открыты на юге Узбекистана²³. Кроме украшений, в могилах культуры Сапалли найдены разнообразные наборы глиняных сосудов, печати-амулеты с изображением змей, мясная пища. Аналогичные наборы погребального инвентаря отмечены для захоронений Мургабского оазиса в южной Туркмении²⁴. Женские статуэтки в могилах сапаллинцев отсутствуют.

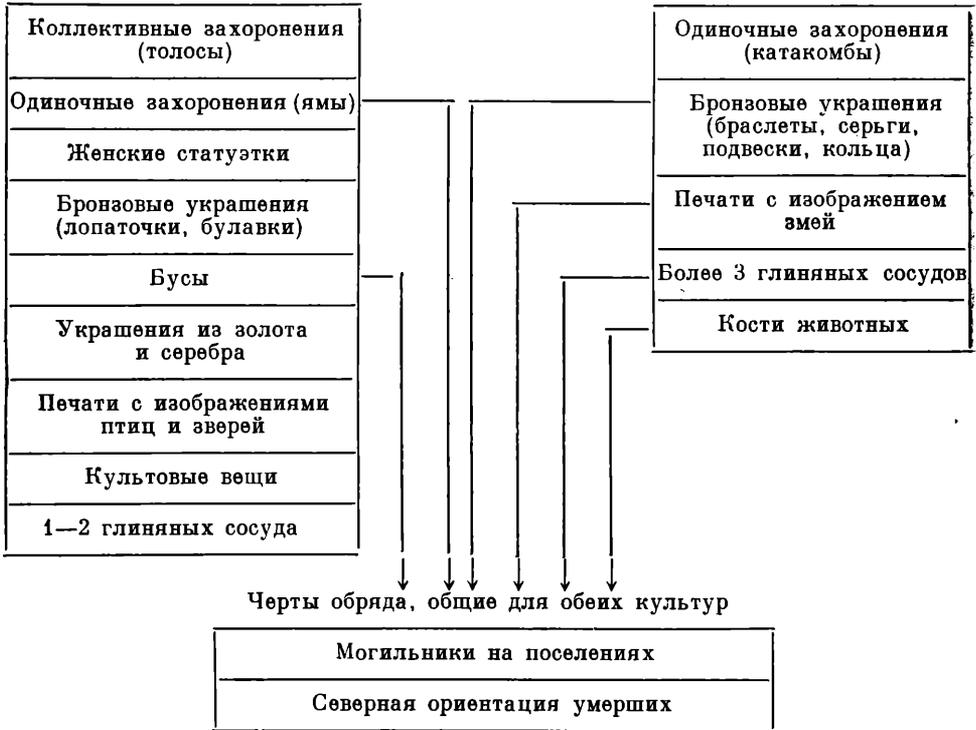
Общеизвестно, что в период Намазга VI крупные поселения городского типа в подгорной полосе приходят в запустение²⁵. Истоки кризиса, видимо, следует усматривать в упадке земледельческого хозяйства, вызвавшего частичную миграцию населения в Мургабский оазис. Хотя новейшими исследованиями установлено, что дельта Мургаба начала колонизоваться еще в эпоху Намазга III²⁶, переселение происходило также в период Намазга V²⁷. В пору Намазга V и VI в Мургабском оазисе появляются укрепленные поселения. Поскольку здесь известны захоронения с наборами инвентаря, тождественными наборам инвентаря захоро-

Таблица 2

Сложение погребального обряда в Мургабском оазисе (Намазга VI)

Погребальный обряд времени Намазга V (специфические черты)

Погребальный обряд культуры Сапалли (специфические черты)

Погребальный обряд времени Намазга VI (Мургабский оазис)

Захоронения на поселениях	Ориентация умерших	Одиночные захоронения (ямы)	Более 3 глиняных сосудов	Бронзовые украшения (браслеты, серьги, кольца)	Бусы	Печати с изображением змей	Кости животных
+	север	+	+	+	+	+	+

нений культуры Сапалли, я связываю появление укрепленных поселений с расширением экспансии носителей культуры Сапалли.

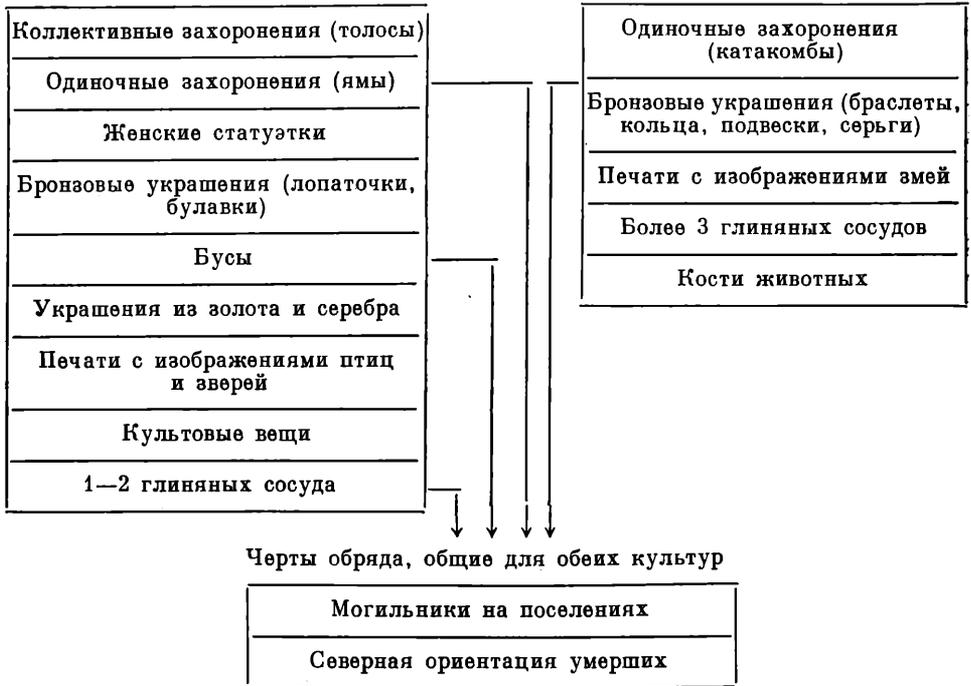
Я уже высказывал предположение о приоритете скотоводства в хозяйстве населения культуры Сапалли²⁸ и в связи с этим об относительной мобильности ее носителей.

Происхождение культуры Сапалли еще не ясно. А. А. Аскарлов связывает ее генезис с земледельческими районами южной Туркмении²⁹. В. И. Сариниди считает, что культура типа Сапалли пришлая, причем истоки ее нужно искать в восточном Иране, откуда часть населения через север Афганистана распространилась вплоть до южных районов Узбекистана³⁰. Однако исходные памятники этой культурной общности в Иране не обнаружены. Материальная же культура сапаллинцев во многом сходна с южнотуркменистанской. В могильнике поселения Сапалли встречены парные захоронения, которые весьма характерны для племен степной бронзы. В земледельческих районах Ирана и Средней Азии они практически не встречаются. Исходя из этого, истоки культуры Сапалли следует искать в Средней Азии и в зоне распространения степного населения. Парные захоронения и катакомбы (специфические осо-

Таблица 3

Сложение погребального обряда в подгорной полосе южной Туркмении (Намазга VI)

Погребальный обряд времени Намазга V (специфические черты) Погребальный обряд культуры Сапалли (специфические черты)

↓

Погребальный обряд времени Намазга VI (подгорная полоса)

Захоронения на поселениях	Ориентация умерших	Одиночные захоронения (ямы)	1—2 глиняных сосуда	Бронзовые украшения (браслеты, кольца, подвески, серьги)	Бусы
+	север	+	+	+	+

бенности погребального обряда культуры Сапалли) известны для более северных районов Средней Азии, в могильнике Заман-баба³¹. Если связать исходный пласт культуры Сапалли с Заман-бабой³², то объясняется наличие катакомб и парных захоронений у населения юга Узбекистана во II тысячелетии до н. э. Продвижение на юг потомков заманбабинцев в условиях усиливающегося культурного воздействия со стороны юга Туркмении могло привести к формированию сапаллинского керамического комплекса, во многом аналогичного южнотуркменскому. Таким образом, сходство керамических комплексов южной Туркмении и южного Узбекистана можно объяснить не происхождением культуры Сапалли из подгорной полосы Копетдага, а культурным влиянием на нее земледельцев Туркмении, о чем уже писала Е. Е. Кузьмина³³.

В результате взаимодействия местного населения с пришлым в Мургабском оазисе складывается погребальный обряд, во многом напоминающий погребальный обряд культуры Сапалли (табл. 2). Часть носителей последней, видимо, могла проникнуть еще дальше на запад в подгорную полосу Копетдага, где смешение с местным населением вело к сложению нового погребального обряда, значительно отличающегося от обряда времени Намазга V (табл. 3).

В материальной культуре подгорной полосы периода Намазга VI нет ярко выраженных следов вторжения нового населения, потому что культура пришельцев была очень близка культуре местных племен. Культур-

ное влияние юга Туркмении периода Намазга IV на потомков заманбабинской культуры было столь велико, что оно практически трансформировало их материальную культуру.

Комплекс Намазга VI одновременно и восходит к комплексу Намазга V и отличается от него. В погребальных обрядах сильнее ощущаются элементы, связанные с пришлым населением, в материальной культуре более заметны традиции местного населения.

Изложенная точка зрения на генезис комплекса Намазга VI характеризуется тремя принципиальными моментами: 1) смещение земледельческих племен юга Туркмении и пришлого населения происходило не только в Мургабском оазисе, но и в подгорной полосе; 2) появление укрепленных поселений в Мургабском оазисе следует истолковывать как реакцию местного населения на вторжение инокультурных племен; 3) инфильтрация нового населения происходила не из восточного Ирана, а из восточных областей Средней Азии (юг Узбекистана).

Почти одновременно с носителями культуры Сапалли либо несколько позднее в земледельческие оазисы южной Туркмении проникают незначительные группы племен степной бронзы. Появление на юге Туркмении трупосожжения и протоевропеоидного антропологического типа, характерного для племен степной бронзы, нельзя связать ни с предшествующим периодом (комплекс Намазга V), ни с культурой Сапалли³⁴. Поэтому нельзя признать удачной попытку поставить под сомнение факт вторжения степных племен в земледельческие оазисы. Имеющиеся на сегодня материалы позволяют утверждать, что кризис земледельческого хозяйства в эпоху позднего Намазга V—раннего Намазга VI, усугубленный инфильтрацией племен культуры Сапалли и части племен степной бронзы, привел к сложению комплекса Намазга VI на основе местного и всех компонентов пришлого населения, причем основной вклад в формирование культуры поздней бронзы подгорной полосы, очевидно, внесли племена культуры Сапалли и местное население.

¹ Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3, с. 165—190.

² Кувшин Б. А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культуры Анау. — ИАН ТССР, 1954, № 1, с. 19.

³ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73, с. 110.

⁴ Массон В. М. Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966, с. 176—177.

⁵ Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с. 141—150.

⁶ Там же, с. 152—154.

⁷ Там же, с. 151.

⁸ Там же, с. 154.

⁹ Хлопин И. Н. Проблема происхождения культур степной бронзы. — КСИА, 1970, вып. 122, с. 57—58.

¹⁰ Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы. — СА, 1974, № 4; *Он же*. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. — СА, 1975, № 2; *Он же*. Печати-амулеты Мургабского стиля. — СА, 1976, № 1; *Он же*. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 105—106, 113—114.

¹¹ Сарияниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. — СА, 1975, № 2.

¹² Сарияниди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр. — Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1960, т. X, с. 284—299; *Он же*. Геоксюрский некрополь. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 102—105.

¹³ Сарияниди В. И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен (по материалам Геоксюрского некрополя). — УСА, 1972, вып. 1, с. 22—26.

¹⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 111; Щетенко А. Я. Раскопки Теккем-Депе. — АО 1972 г. М., 1973, с. 485.

¹⁵ Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у села Янги-кала. — Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1956, т. VII, с. 377—380.

¹⁶ Аванесова Н. А. Особенности среднеазиатских украшений эпохи развитой бронзы. — Тр. Самаркандского гос. ун-та им. Алишера Навои. Нов. сер., 1972, вып. 218, с. 97—110.

¹⁷ Мандельштам А. М. Памятники степного круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, с. 239—243; *Он же*. Но-

- вые погребения «срубного» типа в южной Туркмении. — КСИА, 1967, вып. 112, с. 61 и след.
- ¹⁸ Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения. . . , с. 154.
- ¹⁹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 16.
- ²⁰ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане. — МИА, 1968, № 145, с. 137; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 69.
- ²¹ Нами не разделяется противоположная точка зрения В. И. Саррианиди (см.: Саррианиди В. И. Культурные здания поселений анауской культуры. — СА, 1962, № 1, с. 48—51). Вслед за И. Н. Хлопиным (Хлопин И. Н. Геокюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л., 1964, с. 166—167) мы считаем, что В. И. Саррианиди принял останки погибших от пожара людей за объект кремации.
- ²² Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии, с. 66—69, 96—97.
- ²³ Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973; *Он же*. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- ²⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 14—19.
- ²⁵ Массон В. М. Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, с. 169—171, 176—178.
- ²⁶ Масимов И. С. Новый оазис бронзы в низовьях р. Мургаб. — АО 1975 г. М., 1976, с. 551.
- ²⁷ Саррианиди В. И. Печати-амулеты Мургабского стиля. — СА, 1976, с. 42, № 1.
- ²⁸ Алекшин В. А. Сапаллитепа. — ОНУ, 1975, № 2, с. 51.
- ²⁹ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 110—112.
- ³⁰ Саррианиди В. И. Бактрия в эпоху бронзы. — СА, 1974, № 4.
- ³¹ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966.
- ³² В своей последней монографии А. А. Аскарлов высказывает гипотезу, что культура Сапалли участвовала в формировании культуры Заман-баба (Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 113—115). Мы не можем разделить эту точку зрения. Начальный этап культуры Сапалли датируется 1700—1500 гг. до н. э. (там же, с. 101). Культура Заман-баба на основании импортных изделий из южных земледельческих районов (расписная керамика времени Намазга IV, каменные крестовидные бусы) датируется концом III—началом II тысячелетия до н. э. (Массон В. М. Культура Заман-баба. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966, с. 208—210). Поэтому в хронологическом отношении культура Заман-баба древнее, чем культура Сапалли.
- ³³ Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. — ВДИ, 1972, № 1, с. 134—135.
- ³⁴ Краниологическое изучение черепов Сапалли-тепе, которые по многим характеристикам близки черепам из могильника Заман-баба, показало отсутствие европеоидных черт, характерных для древнего населения более северных регионов Средней Азии (Ходжайов Т. К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапалли-тепе. Ташкент, 1977, с. 106).

И. Н. ХЛОПИН

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВОРСОВЫХ КОВРОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Раскопки могильников эпохи поздней бронзы в окрестностях поселка Кара-Кала (южная Туркмения, долина р. Сумбар) дали в руки исследователей богатый и разнообразный археологический материал, который позволил уточнить многие стороны жизни древнего населения этих мест. В частности, 200 раскопанных погребений (правда, в значительной степени ограбленных в древности) содержали бесценные материалы для восстановления некоторых сфер производственной деятельности, а именно всего того, что было связано с обработкой шерсти и изготовлением из нее различных изделий.

Исключительно в женских погребениях могильников Сумбар I, II и Пархай I было найдено 40 биконических каменных пряслиц, причем одно пряслице оказалось надетым на бронзовый стержень, что окончательно рассеяло сомнения в его использовании. Веретено было не только симво-

Археологические вести

19
(2013)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2013

БУСИНЫ-ПРЯСЛИЦА АЛТЫН-ДЕПЕ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В. А. Алёкшин¹

Во время раскопок Алтын-депе, одного из крупнейших поселений эпохи энеолита и бронзового века на юге Центральной Азии, найдены многочисленные изделия усеченно-биконической формы, имеющие сквозное отверстие, которое проходит по центральной оси поделки (рис. 1, 7–20). Эти артефакты сделаны в основном из терракоты и различных пород камня, хотя иногда их изготовляли также из необожженной глины. Высота рассматриваемых вещей, варьирующая от 1 до 2 см, уступает размеру их максимального диаметра, который колеблется от 2 до 3 см. В литературе такой предмет получил название «бусина-пряслице» (Кирчо, 2005а. С. 384). На Алтын-депе данные изделия представлены, как правило, неорнаментированными экземплярами. Лишь на трех поделках, две из которых опубликованы (Ганялин, 1967. С. 216, рис. 6, 2, 3), есть резные геометрические узоры.

Рассмотрим сначала бусины-пряслица без орнамента. На городище они встречены практически во всех исследованных культурных отложениях. Такие артефакты выявлены в помещениях, дворах и в заполнении горизонтов эпохи позднего энеолита (рис. 1, 7–10): Алтын 12 (Кара 1Б, период: раннее Намазга III) – Алтын 9 (период: позднее Намазга III) (Кирчо, 2008. С. 182, табл. 5, 6; С. 200, табл. 23, 27; С. 251, табл. 74, 35; С. 271, табл. 94, 8; С. 274, табл. 97, 26; С. 286, табл. 109, 10; С. 303, табл. 126, 1–5, 7–10; С. 329, табл. 152, 12, 15, 18, 19). Кроме того, терракотовая бусина-пряслице была обнаружена в круглой погребальной камере (рис. 1, 11), расчищенной на раскопе 1 в горизонте Алтын 9 (Алёкшин, Кирчо, 2005. С. 36; Кирчо, 2005а. С. 384; 2005б. Табл. 57Б, 3). Хотя вещь лежала возле кистей рук мужчины (погребение

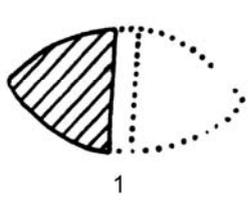
№ 281), она принадлежала девочке (погребение № 282), которая была похоронена в склепе раньше, чем мужчина (Алёкшин, 2005. С. 424).

Каменные и терракотовые предметы аналогичной формы и примерно таких же размеров впервые появляются на юге Туркменистана еще в эпоху раннего энеолита (период Намазга I). Они зафиксированы на таких памятниках, как северный холм Анау (рис. 1, 2) и Кара-депе (рис. 1, 1), причем на последнем поселении находка подобного рода встречена в отложениях развитого периода Намазга I (Массон 1960. С. 324–326; Хлопин, 1963. С. 9, 11; табл. XXI, 34; XXII, 26), который, видимо, датируется третьей четвертью V тыс. до н. э. (Алёкшин, 2011. С. 119). Еще одно такое же изделие, обнаруженное на северном холме Анау (рис. 1, 3), опубликовано К. Курбансахатовым (Курбансахатов, 1987. С. 90, рис. 47, 5). К сожалению, исследователь не указал, к какому именно периоду, Намазга I или Намазга II (развитый энеолит), оно относится. Аналогичные поделки (рис. 1, 4–6) представлены и в позднем энеолитическом слое Кара 1А (период: позднее Намазга III) (Массон 1960. С. 437, 459, табл. XVIII, 3, 9, 10).

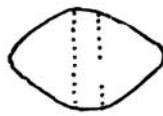
В эпоху бронзы жители Алтын-депе стали изготавливать преимущественно каменные бусины-пряслица, используя для этой цели мраморовидный серый и белый известняк, а также стеатит (Кирчо, 2005а. С. 384). Эти артефакты нередко представлены в женских захоронениях раннего (период Намазга IV) и среднего (период Намазга V) бронзового века (рис. 1, 12–19).

Рассматриваемые вещи зафиксированы в погребениях № 845 (горизонт Алтын 8) и № 677 (горизонт Алтын 7), относящихся к периоду раннее Намазга IV, а также в захоронении № 627 (горизонт Алтын 4), которое датируется периодом позднее Намазга IV (Алёкшин, Кирчо, 2005. С. 55, 58, 71; Кирчо, 2005б. Табл. 98, 13; 105, 5, 6; 135, 4, 5). Кроме того, бусины-пряслица

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

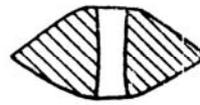
1

2

3

4

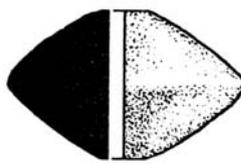
5

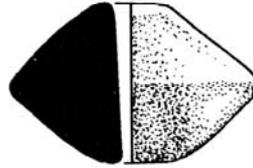
6

7

8

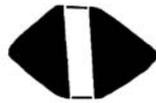
9

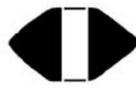
10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

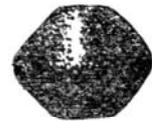
25

26

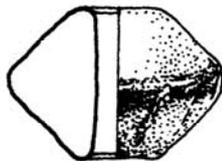
27

28

29

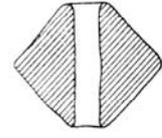
30

31

32

33

выявлены в погребении № 892 (горизонт Алтын 3), совершенном в период раннее Намазга V, и в захоронениях № 705 (горизонт Алтын 0) и № 695 (горизонт Алтын 0₂), которые относятся к периоду позднее Намазга V (Алёкшин, Кирчо, 2005. С. 60, 74; Кирчо, 2005б. Табл. 107А, 5; 109А, 1, 2; 140, 8).

Каменная бусина-пряслице (рис. 1, 20) найдена А. Ф. Ганялиным в верхнем строительном горизонте самой возвышенной части поселения Алтын-депе, на раскопе «вышки» в так называемом кладе 2, на глубине 50 см от поверхности (Ганялин, 1967. С. 214, 216, рис. 6, 4). Это закрытый комплекс, а следовательно, и входящая в его состав бусина-пряслице относится к финальному этапу периода Намазга V и, вероятно, датируется концом III тыс. до н. э.

Еще один такой же предмет найден при исследовании расположенного в среднем течении реки Мургаб Тахтабазарского могильника (рис. 1, 21), относящегося к периоду позднее Намазга V (Удеумурадов, 1994. С. 70, 72, рис. 4, 2).

Стеатитовые усеченно-биконические бусины-пряслица входили в состав наборов инвентаря некоторых погребений могильника, относящегося к поселению Гонур-депе (рис. 1, 22–24), которое также расположено в Мургабском оазисе (Сарианиди, 2001. С. 135, 159, табл. 24, 6; Salvatori, 1995. P. 7, 8, 12, 21; fig. 7, 24; fig. 10, G. 91/8; P. 28, fig. 14, G. 417/5; Sarianidi, 2007. P. 116, fig. 217, a, b, c). Обширное кладбище, примыкающее к этому городищу, датируется последней третью III тыс. до н. э. – началом II тыс. до н. э. – серединой II тыс. до н. э. (Зайцева и

др., 2008. С. 166, 168, 170, 171; Сарианиди, 2001. С. 13, 14; Sarianidi, 2007. P. 21, 24), причем погребения, относящиеся к финальному этапу существования кладбища, немногочисленны (Н. А. Дубова, устное сообщение). К сожалению, в работах, опубликованных к настоящему времени, нет информации о горизонтальной стратиграфии могильника. Поэтому вопрос о том, к какому периоду функционирования кладбища относятся захоронения, где находились рассматриваемые изделия, остается открытым.

Аналогичные поделки были выявлены на памятниках Мургабского оазиса и в эпоху позднего бронзового века (период Намазга VI). На поселении Аучин-депе (рис. 1, 27), которое относится к периоду раннее Намазга VI, такой артефакт входил в состав погребального инвентаря захоронения, найденного в кроющем слое памятника (Массон, 1959. С. 19, 172, 212, табл. IV, 2).

Рассматриваемые вещи (рис. 1, 25, 26) были выявлены и на поверхности городища Гонур-депе (Сарианиди, 1990. С. 28, 235, табл. XXX, 26, 27), которое было заброшено в период позднее Намазга VI, около 1500 г. до н. э. (Зайцева и др., 2008. С. 171–179).

Еще два подобных предмета были зафиксированы в погребении, обнаруженном в шурфе № 1, а также в шурфе № 2 на поселении Тахирбай 3 (рис. 1, 33), которое было обжито в период позднее Намазга VI (Массон, 1959. С. 14, 22, 23, 181, 213, табл. XIII, 1).

Такие же изделия (рис. 1, 28, 29) найдены в помещениях монументального здания, раскопанного на поселении Тоголок 21 (Сарианиди,

Рис. 1. Неорнаментированные бусины-пряслица Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века:

1 – Кара-депе, шурф 1, ярус XIX (Хлопин, 1963); 2 – северный холм Анау, период Намазга I (Хлопин, 1963); 3 – северный холм Анау (Курбансахатов, 1987); 4–6 – Кара 1 А (Массон, 1960); 7 – Алтын 12 (Кирчо, 2008); 8 – Алтын 11 (Кирчо, 2008); 9 – Алтын 10 (Кирчо, 2008); 10 – Алтын 9 (Кирчо, 2008); 11 – Алтын 9, погребение № 282 (Кирчо, 2005б); 12, 13 – Алтын 8, погребение № 845 (Кирчо, 2005б); 14, 15 – Алтын 7, погребение № 677 (Кирчо, 2005б); 16 – Алтын 4, погребение № 627 (Кирчо, 2005б); 17, 18 – Алтын 0, погребение № 705 (Кирчо, 2005б); 19 – Алтын 0₂ – погребение № 695 (Кирчо, 2005б); 20 – Алтын-депе, верхний горизонт раскопа «вышки» (Ганялин, 1967); 21 – Тахтабазарский могильник (Удеумурадов, 1994); 22–24 – Гонур-депе, могильник, погребения № 2790, 1756, 417 (22, 23 – Sarianidi, 2007; 24 – Salvatori, 1995); 25, 26 – Гонур-депе, период Намазга VI (Сарианиди, 1990); 27 – Аучин-депе, период Намазга VI (Массон, 1959); 28, 29 – Тоголок 21, период Намазга VI (Сарианиди, 1990); 30 – Адам-Бажин V, период Намазга VI (Masimov et al., 1998); 31 – Ажи Куи 8, период Намазга V или Намазга VI (Masimov et al., 1998); 32 – Таип 9, период Намазга V или Намазга VI (Masimov et al., 1998); 33 – Тахирбай 3, период Намазга VI (Массон, 1959).
1, 3, 8, 11 – терракота, 7, 9 – глина, 2, 4–6, 10, 12–33 – камень.
24 – без масштаба, диаметр 2,3 см, высота 1 см; 30–32 – без масштаба, размеры не указаны.

Fig. 1. Unornamented beads/spindle whorls from Central Asia of the Eneolithic Period and Bronze Age:

1 – Kara-Depe, pit 1, level XIX; 2 – northern hill of Anau, period Namazga I; 3 – northern hill of Anau; 4–6 – Kara 1 A; 7 – Alтын 12; 8 – Alтын 11; 9 – Alтын 10; 10 – Alтын 9; 11 – Alтын 9, Burial № 282; 12, 13 – Alтын 8, Burial № 845; 14, 15 – Alтын 7, Burial № 677; 16 – Alтын 4, Burial № 627; 17, 18 – Alтын 0, Burial № 705; 19 – Alтын 0₂, Burial № 695; 20 – Alтын-Depe, upper horizon of the Tower Mound; 21 – Takhtabazar cemetery; 22–24 – Gonur-Depe, cemetery, burials №№ 2790, 1756, 417; 25, 26 – Gonur-Depe, period Namazga VI; 27 – Auchin-Depe, period Namazga VI; 28, 29 – Togolok 21, period Namazga VI; 30 – Adam-Bazhin V, Namazga VI; 31 – Aji-Kui 8, period Namazga V or Namazga VI; 32 – Taip 9, period Namazga V or Namazga VI; 33 – Takhirbay 3, period Namazga VI.
1, 3, 8, 11 – terracotta; 7, 9 – clay; 2, 4–6, 10, 12–33 – stone.
24 – without scale, diameter 2,3 cm, height 1 cm; 30–32 – without scale, dimensions unspecified.

1990. С. 28, 285, табл. LXXX, 6, 13). В. И. Сарияниди интерпретировал это сооружение как храм (*Сарияниди*, 1989; *Sarianidi*, 1986; 1998. Р. 90–103). В связи с тем, что в одной из комнат предполагаемой культовой постройки была обнаружена железная бусина, автор раскопок счел возможным отнести памятник к концу II тыс. до Р. Х., а именно: к 1250–1000 гг. до н. э. (*Сарияниди*, 1994. С. 11; *Sarianidi*, 1998. Р. 78). Однако, по мнению Л. Т. Пьянковой, керамический комплекс городища Тоголок 21 включает формы сосудов (кубки, чаши, кувшины), которые датируются XVI–XIV вв. до н. э. (*Пьянкова*, 1994. С. 135, 147). В пользу более древнего возраста монументального сооружения в Тоголок 21 свидетельствуют также некоторые радиоуглеродные даты, полученные в результате изучения этого памятника, причем одни из них укладываются в интервале XVII–XV вв. до н. э., а другие – в промежутке от XX в. до н. э. до XVIII в. до н. э. (*Hiebert*, 1994. Р. 79, tab. 5, 2; Р. 80). Упомянутая бусина могла быть изготовлена из метеоритного железа, как это установлено для булавки с золотым навершием в виде цветка, найденной в царском могильнике Гонура (*Сарияниди*, 2008. С. 183–185; *Крэддок, Флэтчер*, 2012). Этот артефакт, обнаруженный в гробнице № 3200, которая датируется концом III тыс. до н. э., свидетельствует о том, что поделки из железа были известны в Мургабском оазисе еще до основания поселения Тоголок 21. Таким образом, наличие вещей из железа в культурных отложениях памятников древней дельты Мургаба не может служить основанием для отнесения этих слоев к концу II тыс. до н. э. Учитывая все эти обстоятельства, поселение Тоголок 21 следует связывать с периодом позднее Намазга VI и датировать второй четвертью II тыс. до н. э.

Бусины-пряслица были собраны при осмотре еще трех поселений (рис. 1, 30–32): Таип 9 и Аджи Куи 8, где обнаружены различные артефакты среднего и позднего бронзового века, а также Адам Бажин V, где представлен комплекс вещей позднего бронзового века (*Masimov et al.*, 1998. Р. 38, 45, fig. 5, 12–14; Р. 46, fig. 7; Р. 234, 235). Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о том, что на поселениях Мургабского оазиса рассматриваемые предметы представлены в культурных отложениях периодов позднее Намазга V–Намазга VI.

Вопрос о времени завершения периода Намазга VI на юге Туркменистана дискуссионен.

Примерно полвека назад В. М. Массон, изучив археологические коллекции Аучин-депе и Тахирбай 3, синхронизировал окончание этого периода с концом последней четверти II тыс. до н. э. (*Массон*, 1959. С. 28). Этой же точки зрения он придерживался и в более поздних своих работах (*Массон*, 1966. С. 169; 2006. С. 71). Аналогичное мнение высказала Л. И. Хлопина (*Хлопина*, 1978. С. 18). И. Н. Хлопин относил финал позднего бронзового века Южного Туркменистана к X в. до н. э. (*Хлопин*, 1983. С. 55). Л. Т. Пьянкова, рассмотрев керамические комплексы поселений и могильников периода Намазга VI на юге Центральной Азии, выделила поздний этап рассматриваемого периода («вышка» Намазга-депе, Тахирбай 3), завершение которого она, вслед за И. Н. Хлопиным, помещала в X в. до н. э. (*Пьянкова*, 1994. С. 147). Этой же традиции следует и В. И. Сарияниди, датируя последнюю стадию периода Намазга VI в Мургабском оазисе началом I тыс. до н. э. (*Сарияниди*, 1976. С. 26; 1990. С. 71, 74; *Sarianidi*, 1998. Р. 76, 78).

Решение данной проблемы тесно связано с изучением так называемой керамики степного типа, которая была обнаружена в верхних слоях некоторых анауских памятников времени Намазга VI как в подгорной полосе Копетдага, так и в Мургабском оазисе. Эти находки являются частью культурного комплекса, свойственного населению, которое обитало в степной зоне Евразии в эпоху позднего бронзового века (*Кузьмина*, 1964).

Подгорная полоса Копетдага. Фрагменты грубой лепной орнаментированной керамики, свидетельствующие о проникновении на юг Центральной Азии пастушеских племен, были обнаружены на поселении Теккем-депе (*Щетенко*, 1999).

Исследование стратиграфии этого памятника показало, что земледельческий поселок на Теккем-депе был заброшен в конце периода Намазга VI. Впоследствии, но еще в эпоху поздней бронзы, на двух самых возвышенных участках холма, северном и южном, появляются стоянки скотоводов, которые, скорее всего, разновременны. Судя по количеству степной керамики в кроющем слое памятника, обе стоянки существовали недолго. Поскольку обнаруженная на них посуда саргаринско-алексеевской культурной традиции андроновского круга относится к XIV–XIII вв. до н. э. (*Кутимов*, 1999. С. 320; *Щетенко, Кутимов*, 1999. С. 119, 120), оставление Теккема земледельцами произошло ранее этого времени, вероятно, в конце XV в. до н. э.

Именно с этой датой и следует синхронизировать завершение периода позднее Намазга VI в подгорной полосе (Алёкшин, 2012).

Мургабский оазис. Важное значение для датировки финального этапа периода Намазга VI в этом районе имеет обнаружение двух степных сосудов на поселении Тахирбай 3. Один из них нашли в 1972 г. в юго-западном углу раскопа, заложенного в центре поселения. Горшок встречен на глубине 30–35 см от дневной поверхности (Сарианиди, 1975. С. 24; 1990. С. 54, 55), т. е. значительно выше уровня полов комнат позднего строительного горизонта, которые прослежены здесь на глубине 0,9–1 м (Массон, 1959. С. 13, 14). К сожалению, археологический контекст, в котором залежала находка, не установлен, так как она была обнаружена в обресе раскопа. Однако тот факт, что рядом с сосудом находились кости барана (Сарианиди, 1990. С. 55), позволяет допустить, что артефакт является частью погребального комплекса.

Исследователи по-разному оценивают культурную принадлежность рассматриваемого горшка. Л. Т. Пьянкова полагала, что он сравним по стилю орнаментации с некоторыми сосудами из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, который М. А. Итина в свое время датировала XIII/XII–XII/XI вв. до н. э. (Пьянкова, 1994. С. 145). В настоящее время тазабагъябскую культуру относят к концу XVI–началу XV в. до н. э. (Кутимов, 2002. С. 198).

По мнению Ю. Г. Кутимова, орнамент горшка из Тахирбая 3 (ряд косых заштрихованных треугольников и вертикальные насечки) характерен для алакульской орнаментальной традиции, хотя отдельные элементы (елочный узор на тулове) восходят к более раннему петровскому времени. Таким образом, это керамическое изделие, с точки зрения исследователя, следует относить к XVII–XVI вв. до н. э. (Кутимов, 1999. С. 321). Суммируя новые датировки тазабагъябской и алакульской культур, можно допустить, что рассматриваемый сосуд относится к концу XVI в. до н. э.

Второй горшок, найденный в погребении, которое обнаружили в восточной части поселения Тахирбай 3, имеет орнамент, характерный для федоровской культуры андроновского круга (Кузьмина, 2008. С. 75; Cattani, 2004. P. 308, fig. 5; P. 309), которая датируется сейчас XV–XIV вв. до н. э. (Кутимов, 2002. С. 197).

Находки в Тахирбае 3 алакульского сосуда и погребения федоровской культуры позволяют

утверждать, что этот памятник пустовал в конце XVI в. до н. э.–XV в. до н. э., так как пришельцы из степи могли хоронить умерших сородичей только на поселении, заброшенном местными жителями. Выше уже упоминалось о том, что к этому времени прекращается жизнь и на Гонур-депе, крупнейшем поселении оазиса.

Таким образом, стратиграфическое положение степной керамики, залегающей в кроющем слое некоторых древнеземледельческих городищ Южного Туркменистана, подтверждает предположение Л. Т. Пьянковой о том, что эта посуда отложилась на указанных поселениях уже после того, как они были заброшены (Пьянкова, 1994. С. 145), т. е. после окончания периода Намазга VI, который в подгорной полосе Копетдага завершился в конце XV в. до н. э., а в Мургабском оазисе – в конце XVI в. до н. э.–начале XV в. до н. э., что соответствует ранней фазе третьей четверти II тыс. до н. э. Этой же точки зрения придерживается и Ю. Г. Кутимов (Кутимов, 2009. С. 9, 18).

Возвращаясь к рассмотрению неорнаментированных бусин-пряслиц, отметим, что в Центральной Азии подобные находки, форма которых аналогична артефактам, обнаруженным на памятниках подгорной полосы Копетдага эпохи неолита и бронзового века, известны и вне ареала анауской культуры. Прежде всего, следует назвать глиняную поделку (рис. 2, 1) из верхнего слоя жилища 1 поселения I культуры Заманбаба (Гулямов и др., 1966. С. 134, табл. XVII, 26), которая относится к середине III тыс. до н. э. (Алёкшин, 2010а. С. 87; Кутимов, 2005. С. 205).

Каменная бусина-пряслице происходит из погребальной камеры № 257 могильника Пархай II (рис. 2, 2) в Юго-Западном Туркменистане (Хлопин, 2002. С. 64, 298, табл. 98, 2). Это захоронение относится к периоду ЮЗТ-II, по периодизации И. Н. Хлопина, и датируется концом III тыс. до н. э. (Кутимов, 2009. С. 17, 18).

Бусины-пряслица представлены и в захоронениях периода ЮЗТ-I, который датируется первой половиной II тыс. до н. э. Однако эти изделия отличаются своими пропорциями от поделок, изготовленных в Юго-Восточном Туркменистане, так как имеют одинаковые или почти одинаковые размеры высоты и диаметра (рис. 2, 3, 4, 6–9). Во время раскопок могильника Сумбар I найдено 30 таких артефактов (Хлопин, 1983. С. 49, 138–141, 143, 144, 146, 147–152, 154, 162, табл. III, 11; С. 163, табл. IV, 4; С. 166, табл. VII,

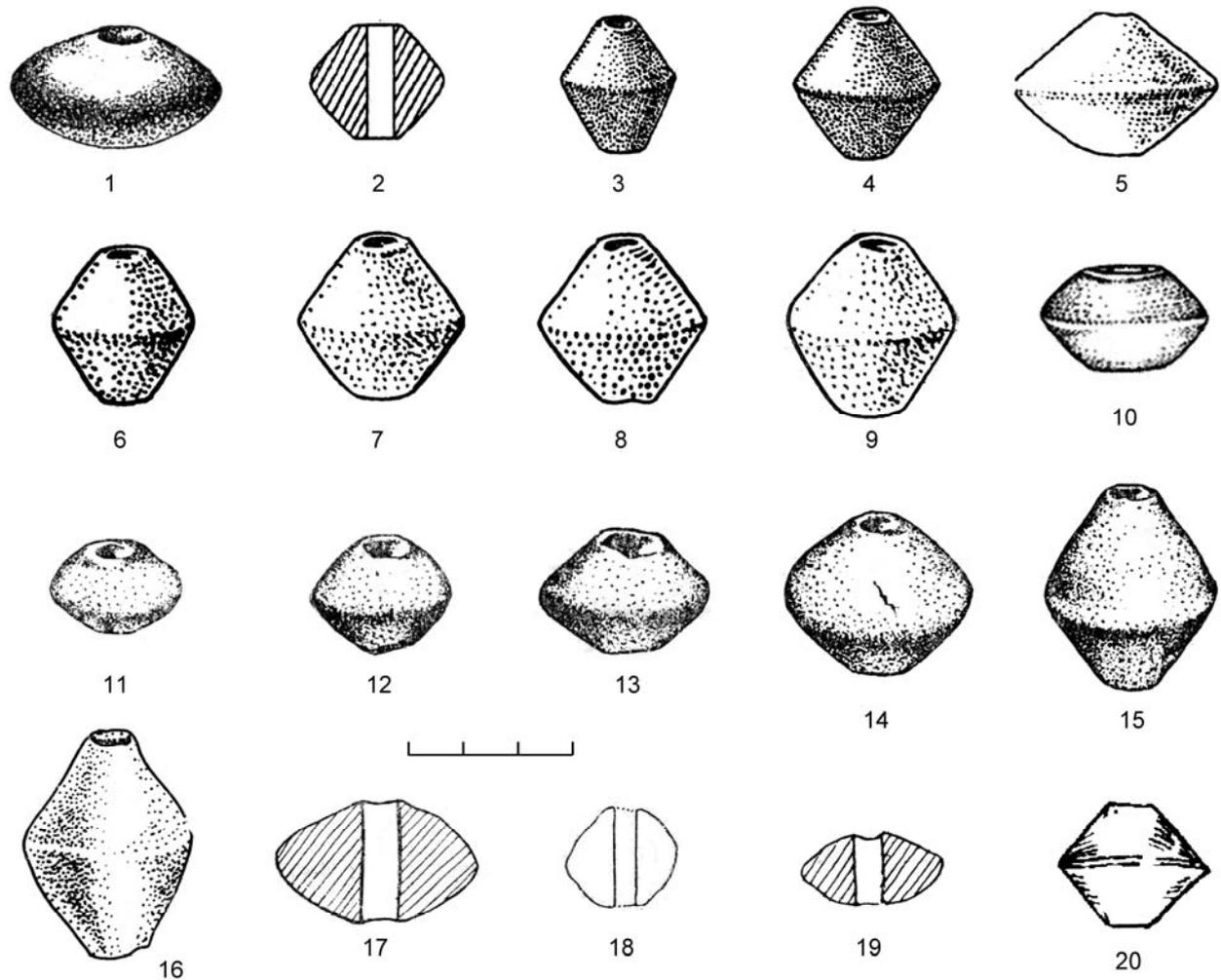

Рис. 2. Неорнаментированные бусины-пряслица Центральной Азии бронзового века:

1 – Заманбаба, поселение I, жилище 1 (Гулямов и др., 1966); 2 – могильник Пархай II, погребение № 257 (Хлопин, 2002); 3–5 – могильник Сумбар II, погребения № 12, 13, 22 (Хлопин, 2002); 6–9 – могильник Сумбар I, погребения № 20, 45, 112, 170 (Хлопин, 1983); 10 – Сазаган, погребение № 1 (Аванесова, 2010б); 11–16 – Сапалли-тепе (помещения) (Аскаров, 1973); 17–19 – могильник Джаркутан, погребения № 8, 368 (кузалинский этап), погребение № 22 (молалинский этап) (Аскаров, Абдуллаев, 1983); 20 – могильник Бустон VI, погребение № 148 (бустонский этап) (Аванесова, 2010а).
1 – глина, 2–14, 17–19 – камень, 15, 16 – терракота, 20 – материал не указан.

Fig. 2. Unornamented beads/spindle whorls from Central Asia of the Bronze Age:

1 – Zamanbaba, settlement I, dwelling 1; 2 – cemetery of Parkhay II, burial N 257; 3–5 – cemetery of Sumbar II, burials N 12, 13, 22; 6–9 – cemetery of Sumbar I, burials N 20, 45, 112, 170; 10 – Sazagan, burial N 1; 11–16 – Sapalli-Tepe (rooms); 17–19 – cemetery of Dzharkutan, burials № 8, 368 (Kuzali stage), burial N 22 (Molali stage); 20 – cemetery of Buston VI, burial N 148 (Buston stage).
1 – clay, 2–14, 17–19 – stone, 15, 16 – terracotta, 20 – material unspecified.

4; С. 168, табл. IX, 2, 7; С. 169, табл. X, 3; С. 170, табл. XI, 4; С. 171, табл. XII, 2; С. 177, табл. XVIII, 9; С. 180, табл. XXI, 4; С. 181, табл. XXII, 2, 6; С. 184, табл. XXV, 6; С. 186, табл. XXVII, 2, 3; С. 189, табл. XXX, 2–4; С. 221, табл. LXII, 1–4, 6–9, 11–14), при исследовании могильника Сумбар II – 5 артефактов (Хлопин, 1983. С. 49, 156, 157, 209, табл. L, 8, 20; 2002. С. 72, 75, 321, табл. 121, 7; С. 322, табл. 122, 16; С. 324, табл. 124, 7). Лишь в трех случаях (могильник

Сумбар I, погребения № 104 и № 125; могильник Сумбар II, погребение № 22) бусины-пряслица имеют такие же пропорции (рис. 2, 5), что и в Юго-Восточном Туркменистане (Хлопин, 1983. С. 49, 147, 150, 185, табл. XXVI, 12; С. 221, табл. LXII, 5; 2002. С. 71, 327, табл. 127, 8).

В областях, расположенных к востоку от дельты реки Мургаб, на юге Узбекистана распространены памятники культуры Сапалли. Узбекские исследователи выделяют пять хроноло-

гических этапов в ее развитии (сапаллинский, XVII–XVI вв. до н. э.; джаркутанский, конец XVI–XV вв. до н.э.; кузалинский, XIV–XIII вв. до н. э.; молалинский, XII–X вв. до н. э.; и бустонский, X–IX вв. до н. э.), которые, по их мнению, сменяли друг друга на протяжении девяти столетий (Аванесова, 1995. С. 63, примеч. 2; 2009. С. 7).

Ранний (сапаллинский) этап, к которому относятся два нижних строительных горизонта одноименного поселения, А. А. Аскарлов, изучив керамический комплекс этого памятника, синхронизировал с периодом позднее Намазга V и раннее Намазга VI Юго-Восточного Туркменистана (Аскарлов, 1976. С. 13, 14, 20, 21; 1977. С. 5). Последующие этапы культуры он относил к периодам развитие Намазга VI и позднее Намазга VI (Аскарлов, 1976. С. 21; Аскарлов, Абдуллаев, 1983. С. 39, 42). Другие исследователи синхронизировали культуру Сапалли лишь с периодом Намазга VI (Ширинов, 1993. С. 28, табл. 20). Поскольку начало последнего, вероятно, восходит к рубежу III и II тыс. до н. э. (Кутимов, 2009. С. 9), а завершение – к концу XVI в. до н. э.–концу XV в. до н. э., то культура Сапалли не могла существовать более 500 лет.

Немецкие археологи, которые в последние годы исследовали древнеземледельческие памятники Южного Узбекистана, также помещают рассматриваемую культуру в первую половину II тыс. до н. э. Однако они подвергли ее традиционную периодизацию ревизии, разделив сапаллинскую культуру лишь на два этапа: период позднего бронзового века I (SB I: сапаллинский и джаркутанский этапы) и период позднего бронзового века II (SB II: бустонский, кузалинский и молалинский этапы), причем период SB I немецкие исследователи предлагают датировать 1950–1700 гг. до н. э., а период SB II – 1700–1450 г. до н. э. Кроме того, М. Тойфер удревнил памятники бустонского этапа, поместив их вслед за джаркутанскими, и омолодил памятники молалинского и кузалинского этапов, причем последний в его схеме является финальным (Виноградова, 2008. С. 220, 221; 2009. С. 89, 90; Görsdorf, Huff, 2001. S. 81–86; Kaniuth, 2006. S. 27–52, 177–179; Kaniuth, Teufer, 2001. S. 104, 112, Abb. 14).

Периодизация сапаллинской культуры, предложенная немецкими учеными, не получила поддержки в Узбекистане и была подвергнута развернутой критике Н. А. Аванесовой (Аване-

сова, 2009), которая выступила против удревнения бустонского этапа. Критика Н. А. Аванесовой была поддержана Н. М. Виноградовой, доказывающей, что новая периодизация не подтверждается материалами древнеземледельческих памятников эпохи поздней бронзы юго-западного Таджикистана (Виноградова, 2009).

Оставляя в стороне вопрос о месте бустонского этапа в периодизации культуры Сапалли, необходимо подчеркнуть, что Н. А. Аванесова, дискутируя с М. Тойфером, не затронула проблемы абсолютного датирования сапаллинской культуры, полагая тем самым, что ее хронология не подлежит пересмотру, тогда как Н. М. Виноградова не отвергает полученные немецкими исследователями радиоуглеродные даты, в соответствии с которыми начальный этап сапаллинской культуры относится к первой четверти II тыс. до н. э. (Виноградова, 2009. С. 94, 95). Эти определения согласуются с выводом о том, что становление периода Намазга VI в Южном Туркменистане относится к рубежу III/II тыс. до н. э.

В настоящее время некоторые археологические находки не укладываются в рамки традиционной хронологии сапаллинской культуры. Например, обнаружение алакульского сосуда и федоровского погребения в верхнем слое оставленного земледельцами в конце XVI в. до н. э. поселения Тахирбай 3, керамический комплекс которого, по мнению Л. Т. Пьянковой, наиболее близок посуде бустонского этапа культуры Сапалли (Пьянкова, 1994. С. 137), указывает на то, что этот этап имеет более древнюю датировку и завершился либо в конце второй, либо в начале третьей четверти II тыс. до н. э.

Неорнаментированные бусины-пряслица обнаружены при раскопках поселения Сапаллитепе (сапаллинский этап), а также могильников Джаркутан (кузалинский и молалинский этапы) и Бустон VI (молалинский и бустонский этапы). Большинство опубликованных экземпляров (18, относящихся к сапаллинскому этапу, 4 – к кузалинскому, 2 – к молалинскому и 4 – к бустонскому) сделано в традиции Юго-Восточного Туркменистана (рис. 2, 11–14, 17–20) (Аванесова, 2009. С. 13, 16, 38, рис. 4, II, 10; С. 42, рис. 8, II, 8; С. 50, рис. 16, I, 11, 13; 2010а. С. 117, 120, рис. 4, II, 10; С. 123, 125, рис. 8, II, 8; С. 135, рис. 16, I, 11, 13; Аскарлов, 1973. С. 44, табл. 54, 87, 97, 162; табл. 24, 7, 9–11, 17, 19, 20, 28, 29, 38; 1977. С. 71, 198, табл. XXXIV, 7, 13, 21, 23, 36, 199; XXXV, 1, 2, 4; Аскарлов, Абдуллаев, 1983.

С. 13–15, 67, 68, 70, 74, 114, 119, 120, табл. LIV, 8; LV, 11; XLVI, 10, 14–16; *Avanesova*, 1997. S. 164, Abb. 10b, 5, 6; 2007. S. 67, 68, Abb. 4, II, 10; S. 71, Abb. 8, II, 8; S. 86, Abb. 16, I, 11, 13), и только 5 изделий сапаллинского этапа из поселения Сапалли-тепе (Аскарков, 1973. С. 162, табл. 24, 19, 37, 39; 1977. С. 71, 198, табл. XXXIV, 11, 20) имеют размеры, характерные для юго-запада Туркменистана (период ЮЗТ-I) (рис. 2, 15, 16), причем у трех поделок (Аскарков, 1973. С. 87, 162, табл. 24, 37, 39; 1977. С. 71, 198, табл. XXXIV, 11) высота изделия больше, чем его диаметр.

Бусина-пряслице, выполненная в традиции, присущей изделиям подгорной полосы Копетдага, найдена также в погребении № 1 близ села Сазаган (рис. 2, 10). Комплекс погребального инвентаря позволил Н. А. Аванесовой датировать это захоронение XIX–XVIII вв. до н. э. (*Аванесова*, 2010б. С. 344, рис. 2, 16; С. 353, 359).

Находки терракотовых, реже каменных усеченно-биконических бусин-пряслиц, которые подобны артефактам, обнаруженным на памятниках подгорной полосы Копетдага, известны также на поселениях Среднего Востока, которые относятся к эпохе неолита и бронзовому веку.

Прежде всего, следует упомянуть изделия, выявленные во время раскопок древнеземледельческих памятников на юго-западе Ирана. Речь идет об артефактах, представленных в слоях Джови 10 (рис. 3, 1) и Джови 4 (рис. 3, 2) (*Dollfus*, 1983. P. 119, fig. 44, 1, 2), Чога Миш (рис. 3, 3), поздняя Сузиана (*Delougaz, Kantor*, 1996. Pt. 2, Pl. 65, KK, LL, Pl. 232, B) и Джаффарабад 2 (рис. 3, 4) (*Dollfus*, 1971. Fig. 21, 12). Эти поселения расположены в области, получившей в древности название Сузиана. Еще одна поделка происходит из Фарукабада (рис. 3, 5), находящегося в долине Дех Луран (*Wright*, 1981. P. 52, fig. 29, h). Все упомянутые находки были сделаны в слоях, датирующихся 4800–4100 гг. до н. э. (*Alizadeh*, 2006. P. 262, Tab. 30).

Несколько бусин-пряслиц зафиксировано на древних городищах Южного Ирана: Тал-е Гап I а, II б, II с (рис. 3, 6) (*Egami, Sono*, 1962. P. 102, fig. 32, 7, 11, 12) и Тал-е Бакун А (рис. 3, 7) (*Alizadeh*, 2006. P. 233, fig. 61, B; *Langsdorff, McCown*, 1942. P. 17, 69, Pl. 82, 31). Оба памятника относятся к концу второй четверти V тыс. до н. э.–концу V тыс. до н. э. (*Alizadeh*, 2006. P. 262, Tab. 30).

Такие же изделия обнаружены при исследовании поселений Юго-Восточного Ирана. Кос-

тая бусина-пряслице (рис. 3, 8) встречена в слое V В Тепе Яхья (*Lamberg-Karlovsky*, 1970. P. 109, Pl. 38, B, посередине), который датируется второй четвертью–серединой IV тыс. до Р. Х. (*Amiet*, 1986. P. 12, 13). Аналогичные поделки из необожженной глины выявлены в Шахри-Сохте (рис. 3, 10, 11) в отложениях фазы 5 (период II), относящейся к концу второй четверти III тыс. до н. э. (*Salvatori, Tosi*, 2005. P. 304, fig. 13). Авторы раскопок считают, что эти артефакты служили бусами (*Salvatori, Vidale*, 1997. P. 76, 164, fig. 240, 23, 24).

На северо-востоке Ирана терракотовые бусины-пряслица (рис. 3, 12) были зафиксированы во всех культурных отложениях поселения Гисар (*Schmidt*, 1937. P. 53, 117, 185, 441, Pl. XIVA, H 3810). Кроме того, в слое периода III найдена каменная поделка (рис. 3, 13) этого типа, имеющая приплюснутую форму (*Ibid.* P. 221, 439, Pl. LXIII, H 3695). Еще одна каменная бусина-пряслице (рис. 3, 23) из этого же слоя аналогична изделиям, обнаруженным в погребениях сумбарских могильников на юго-западе Туркменистана. К сожалению, в публикациях не указано, к какому подпериоду слоя III относятся две последние находки (*Schmidt*, 1933. Pl. CXLIII C, H 159). В целом можно сказать, что в Гисаре бусины-пряслица производили с конца V тыс. до н. э. по начало II тыс. до н. э. (*Дайсон*, 1986. С. 86; *Дайсон, Ховард*, 1983. С. 36; *Dyson, Lawn*, 1989. P. 142).

На поселении Шах-тепе, также расположенном в Северо-Восточном Иране, в слоях II и III, представлены терракотовые и каменные бусины-пряслица (рис. 3, 20) (*Arne*, 1945. P. 136, 263, 266, 362, Pl. LXXI, 563 a, Pl. LXXVI, 618), причем некоторые из них (*Ibid.* P. 266, 362, fig. 560 a, Pl. LXXI, 564) аналогичны тем изделиям из Юго-Западного Туркменистана, у которых совпадают размеры диаметра и высоты. Отдельные экземпляры каменных бусин-пряслиц имеют высоту, превышающую размер диаметра (рис. 3, 21, 22) (*Ibid.* P. 152, 287, 363, Pl. LXXVI, 600 a, 600 b). Напластования Шах-тепе, в которых залегали все эти поделки, синхронны третьей четверти–второй половине III тыс. до н. э.

Крупные каменные бусины-пряслица (18 экземпляров) представлены на юге Афганистана в культурных отложениях Мундигака (рис. 3, 9) в горизонтах II 1 – IV 1 (*Casal*, 1961. Vol. I, P. 240, 241; Vol. II, fig. 138, 6). Эти напластования датируются в интервале от последней трети IV тыс.

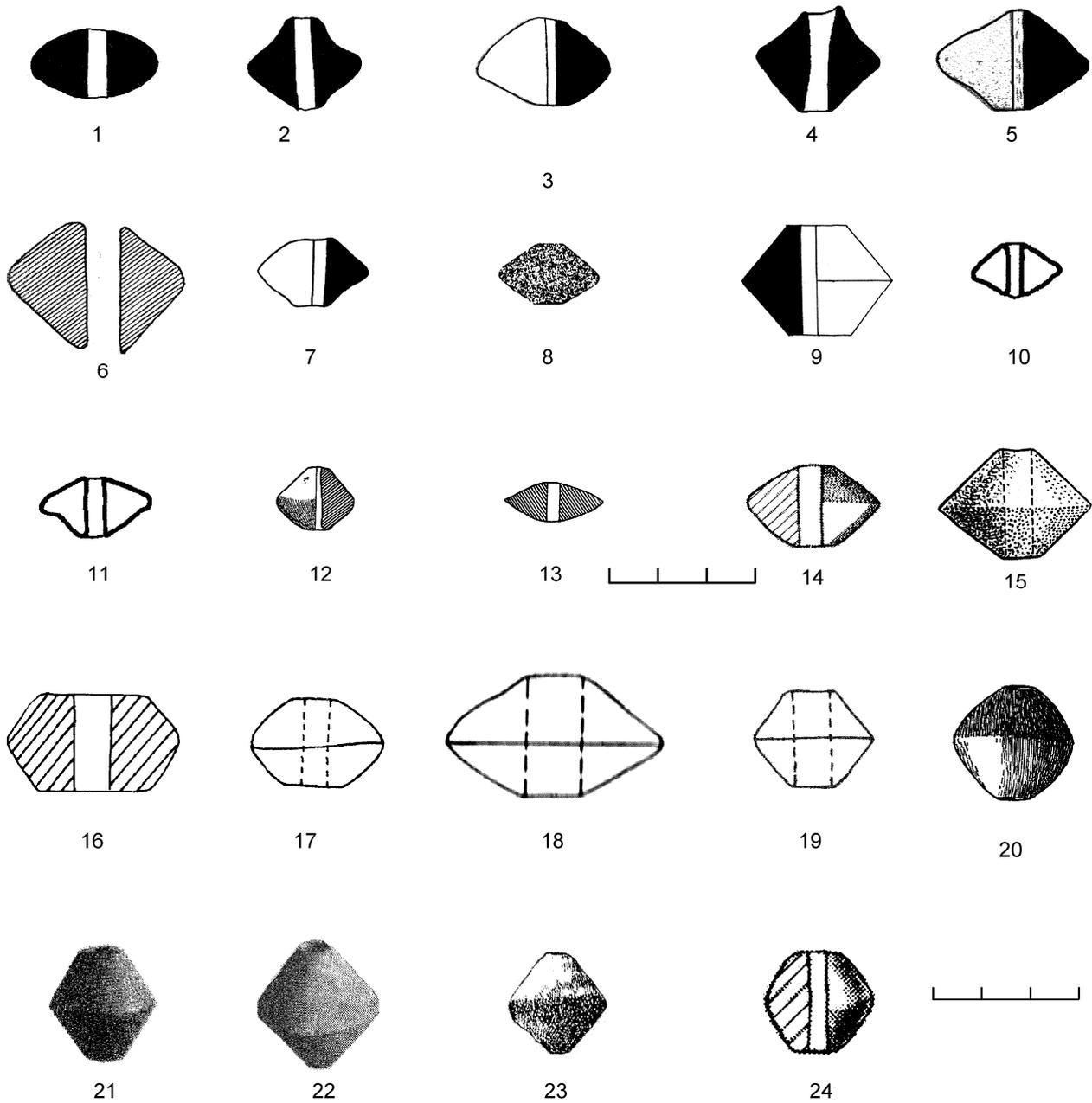

Рис. 3. Неорнаментированные бусины-пряслица Среднего Востока эпохи энеолита и бронзового века:

1 – Джови 10 (Dollfus, 1983); 2 – Джови 4 (Dollfus, 1983); 3 – Чога Миш, поздняя Сузиана (Delougaz, Kantor, 1996); 4 – Джафарабад 2 (Dollfus, 1971); 5 – Фарукабад, фаза поздний фарук (Wright, 1981); 6 – Тал-е Гап I а (Egami, Sono, 1962); 7 – Тал-е Бакун А III (Langsdorff, McCown, 1942); 8 – Тепе Яхья V В (Lamberg-Karlovsky, 1970); 9 – Мундигаг II 1 – IV 1 (Casal, 1961); 10, 11 – Шахри-Сохте II, фаза 5 (Salvatori, Vidale, 1997); 12 – Гисар I–III (Schmidt, 1937); 13 – Гисар III (Schmidt, 1937); 14, 15 – Дашлы 3 (14 – Саруаниду, 1976; 15 – Саруаниду, 1984); 16 – Шортугай II 3 (Francfort et al., 1989); 17 – Чанху-даро I С (Mackay, 1943); 18 – Мохенджо-даро, переходный период, поздняя фаза I (Mackay, 1938); 19 – Чанху-даро, период Джжукар (Mackay, 1943); 20 – Шах-тепе II–III (Arne, 1945); 21 – Шах-тепе II (шурф А) (Arne, 1945); 22 – Шах-тепе II (шурф С) (Arne, 1945); 23 – Гисар III (Schmidt, 1933); 24 – Дашлы 3 (Саруаниду, 1976).
1–7, 12, 18–20, 24 – терракота, 8 – кость, 10, 11, 13, 16 – глина, 17 – «фаянс», 9, 14, 15, 21–23 – камень.
7 – без масштаба, диаметр 3,4 см, высота 2,1 см; 18 – без масштаба, диаметр 3,2 см, высота 1,8 см.

Fig. 3. Unornamented beads/spindle whorls from the Middle East of the Eneolithic Period and Bronze Age:

1 – Jovi 10; 2 – Jovi 4; 3 – Choga Mish, late Susiana; 4 – Jafarabad 2; 5 – Farukabad, late Faruk phase; 6 – Tal-e Gap I a; 7 – Tal-e Bakun A III; 8 – Tepe Yahya V B; 9 – Mundigak II 1 – IV 1; 10, 11 – Shahr-i-Sokhta II, phase 5; 12 – Hissar I–III; 13 – Hissar III; 14, 15 – Dashly 3; 16 – Shortugay II 3; 17 – Chanhu-Daro I C; 18 – Mohenjo-daro, transitional period, late phase I; 19 – Chanhu-Daro, Jhukar; 20 – Shah-Tepe II–III; 21 – Shah-Tepe II (trench A); 22 – Shah-Tepe II (trench C); 23 – Hissar III; 24 – Dashly 3.
1–7, 12, 18–20, 24 – terracotta, 8 – bone, 10, 11, 13, 16 – clay, 17 – ‘faience’, 9, 14, 15, 21–23 – stone.
7 – without scale, diameter 3,4 cm, height 2,1 cm; 18 – without scale, diameter 3,2 cm, height 1,8 cm.

до н. э. до середины III тыс. до н. э. (*Besenval*, 2005. P. 8, fig. 13). Одна бусина-пряслице находилась в погребении С 10 (горизонт III 6), относящемся к концу первой четверти III тыс. до н. э. (*Besenval*, 2005. P. 8, Fig. 13; *Casal*, 1961. Vol. 1, P. 240).

Глиняная бусина-пряслице (рис. 3, 16) обнаружена в Шортугае (*Francfort et al.*, 1989. Vol. 1, P. 168, 169, Tab. 61 a; Vol. 2, Pl. 82, 3) на севере Афганистана в горизонте 3 позднего хараппского периода II, который синхронен концу III тыс. до н. э. (*Алёкшин*, 2011. С. 125; *Francfort*, 1983. P. 518; 1989. Vol. 1, P. 241, 242).

Бусины-пряслица, выполненные из глины и камня, встречены при раскопках поселения Дашлы 3 (рис. 3, 14, 15) в Северном Афганистане (*Сарианиди*, 1976. С. 78, 79, рис. 49; С. 82, 80, рис. 50, 10, 12–14; 1984. С. 28, рис. 20, 5–7). Данные находки, датирующиеся рубежом III и II тыс. до н. э. (*Алёкшин*, 2010б. С. 38), выполнены в традиции Юго-Восточного Туркменистана. На этом же поселении (рис. 3, 24) обнаружена терракотовая бусина-пряслице (*Сарианиди*, 1976. С. 80, рис. 50, 11), пропорции которой аналогичны пропорциям изделий из погребений Сумбарских могильников на юго-западе Туркменистана.

Находки терракотовых бусин-пряслиц известны также на поселениях хараппской культуры. В Мохенджо-даро выявлено два таких изделия. Одно из них (рис. 3, 18) зафиксировано в слоях переходного периода (поздняя фаза I) (*Mackay*, 1938. Vol. 1, XV, 123, 553; Vol. 2, Pl. CXXXVIII, 5), в которых залегала керамика типа Наушаро III (*Jarrige*, 1994. P. 304; *Qivron*, 2000. P. 168, 180), относящаяся к 2400/2300 гг. до н. э.–2200/2100 гг. до н. э. (*Jarrige*, 1994. P. 282, 304; 1996. P. 859). Другое находилось в отложениях позднего периода (ранняя фаза III) (*Mackay*, 1938. Vol. 1, XIV, 123, 553; Vol. 2, Pl. CXXXVII, 100), в которых представлена керамика типа Наушаро IV (*Jarrige*, 1994. P. 304; *Qivron*, 2000. P. 168, 180), датирующаяся между 2100 и 2000 гг. до н. э. (*Jarrige*, 1996. P. 870).

Две аналогичные каменные поделки (рис. 3, 17) из Чанху-даро IC (*Mackay*, 1943. P. 34, 207, 313, Pl. LXXXV, 11, 12; *Qivron*, 2000. P. 163) происходят из культурных напластований, синхронных слою IV поселения Наушаро, т. е. концу III тыс. до н. э. (*Jarrige*, 1996. P. 870). Три керамические бусины-пряслица встречены в отложениях Чанху-даро (рис. 3, 19), относящихся к постхараппской культуре Джжукар (*Mackay*,

1943. P. 208, 315, Pl. LXXXVII, 17, 18, 21), которую датируют 1900–1700 гг. до н. э. (*Possehl*, 2002. P. 29).

Территориальное распространение и хронологическое распределение неорнаментированных терракотовых, глиняных и каменных усеченно-биконических бусин-пряслиц в археологических комплексах Центральной Азии и Среднего Востока (рис. 4) позволяют сделать четыре вывода.

Во-первых, эти вещи, существующие в Центральном и Юго-Восточном Туркменистане в широком хронологическом диапазоне от начала третьей четверти V тыс. до н. э. до начала третьей четверти II тыс. до н. э., не могут рассматриваться в качестве хронологического индикатора для датирования культурных отложений Алтын-депе эпохи позднего энеолита и бронзового века.

Во-вторых, самые ранние терракотовые бусины-пряслица (вторая четверть V тыс. до н. э.) найдены в культурных напластованиях памятников Среднего Востока, а именно на юго-западе (Джови 10) и юге (Тал-е Гап Ia) Ирана. Не исключено, что появление этих поделок в Центральной Азии (подгорная полоса Копетдага, археологические комплексы периода развитое Намазга I) связано с культурным влиянием сопредельных иранских областей, например, Северо-Восточного Ирана (Гисар I), где аналогичные изделия известны с конца V тыс. до н. э., а возможно, и ранее.

В-третьих, в подгорной полосе Копетдага и дельте реки Мургаб бусины-пряслица, начиная с эпохи энеолита и в бронзовом веке, являются одной из категорий массового археологического материала, тогда как за пределами этих регионов они встречаются значительно реже, в основном в Северо-Восточном (Гисар) и Юго-Восточном (Тепе Яхья, Шахри-Сохте) Иране, а также в Афганистане (Мундигак, Дашлы 3) и юго-западном Пакистане (Мохенджо-Даро, Чанху-даро). Возможно, что такое распространение этих артефактов фиксирует юго-западное, южное и юго-восточное направления культурных контактов, связывавших древнее население Центрального и Юго-Восточного Туркменистана с племенами, которые населяли обширные территории Ирана, Афганистана и Пакистана.

В-четвертых, в Центральной Азии вне ареала анауской культуры рассматриваемые изделия представлены лишь на юге Узбекистана (поселение I культуры Заманбаба и памятники

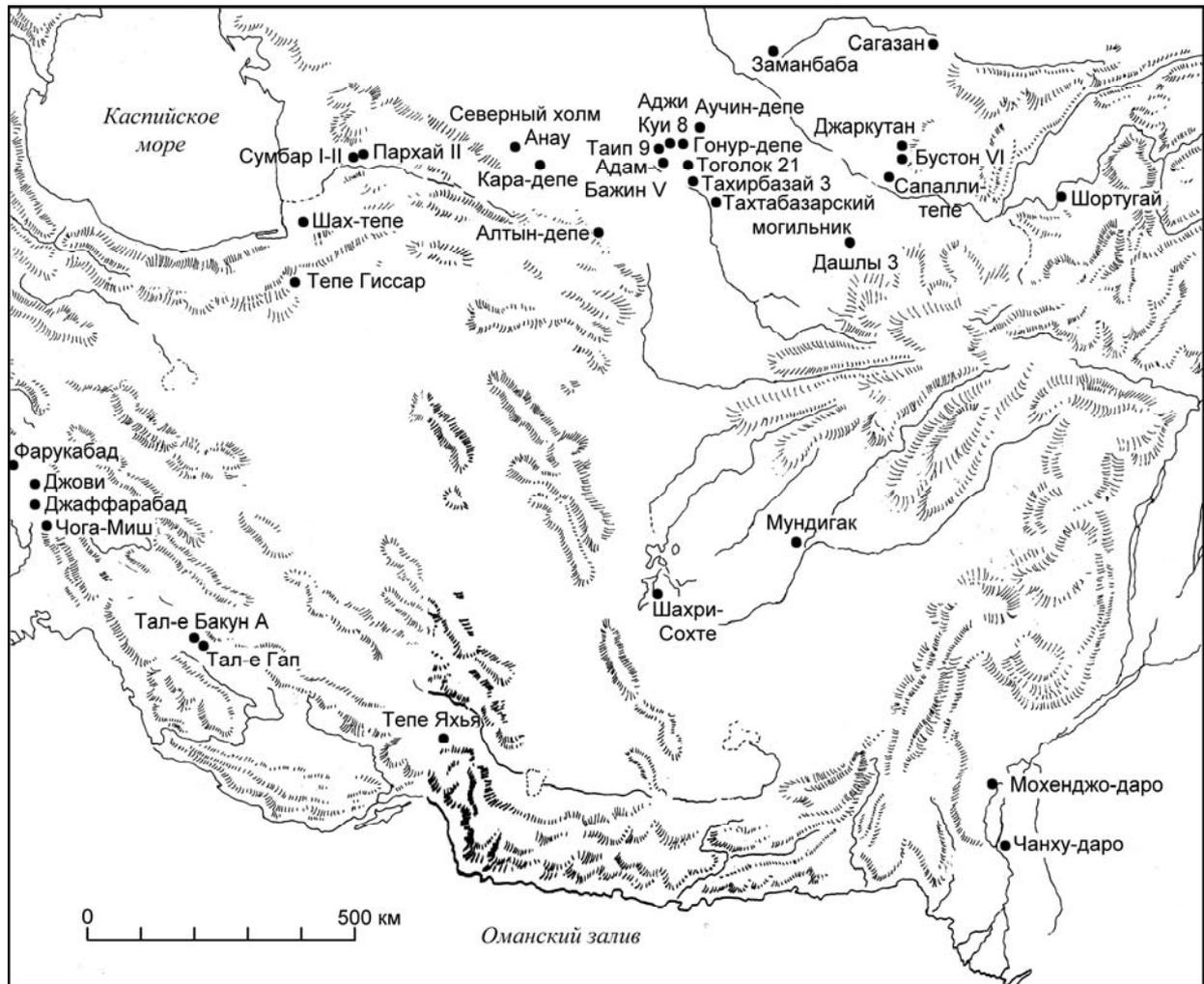

Рис. 4. Археологические памятники Центральной Азии и Среднего Востока V–II тыс. до н. э., на которых найдены неорнаментированные бусины-пряслица.

Fig. 4. Archaeological sites of Central Asia and Middle East of the 5th–2nd millennia BC where unornamented beads/spindle whorls were found.

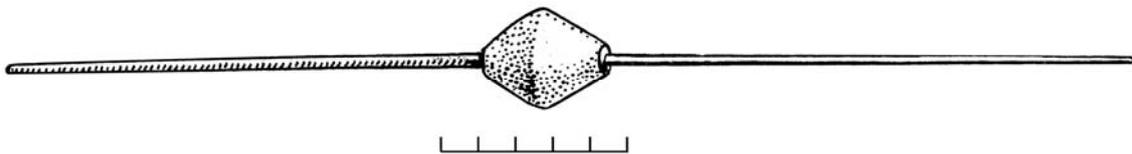

Рис. 5. Юго-Западный Туркменистан. Могильник Сумбар I (ЮЗТ-I). Веретено из женского погребения № 110, представляющее собой металлический стержень, на который насажена каменная неорнаментированная биконическая бусина-пряслице (Хлопин, 1983).

Fig. 5. Southwestern Turkmenistan. Cemetery of Sumbar I (YuZT-I). Spindle from female burial № 110: a metal rod onto which a stone unornamented biconical bead/spindle whorl is stuck.

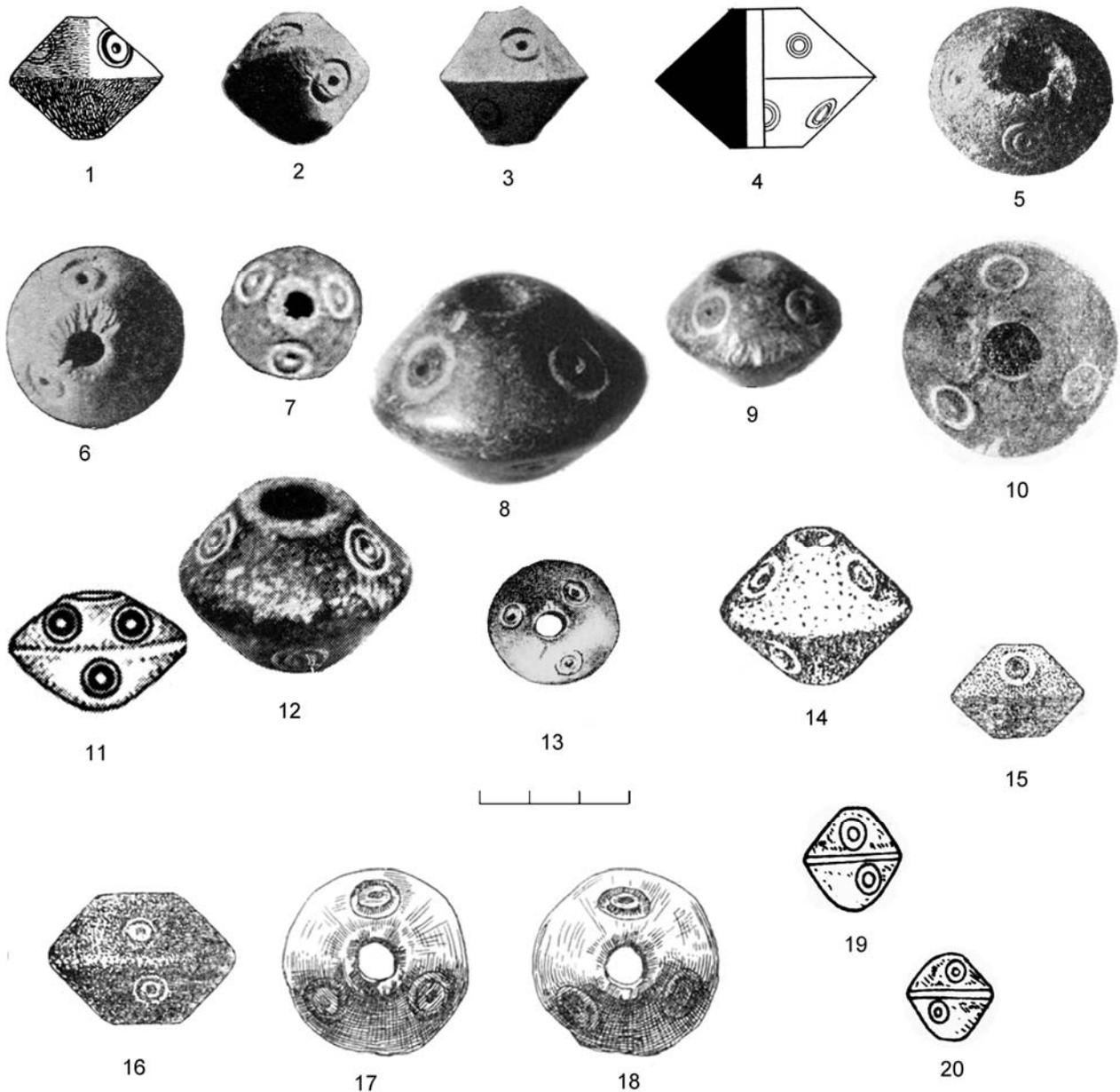

Рис. 6. Каменные бусины с орнаментом в виде кругов, найденные на памятниках бронзового века в Центральной Азии и на Среднем Востоке:

1 – Гисар III С, погребение CF 47, х-2 (Schmidt, 1937); 2, 3 – Гисар III (Schmidt, 1933); 4 – Мундигаг, тепе F, верхний слой, помещение 75 (Casal, 1961); 5, 6 – южный холм Анау, терраса В (Pumpelly, 1908); 7 – могильник Гонура, погребение № 183 (Sarianidi, 2007); 8, 9 – Северный Гонур, монументальные сооружения (Sarianidi, 1998); 10 – Дашлы 3 (Сарианиди, 1977); 11 – Сазаган, погребение № 2 (Аванесова, 2010б); 12 – Лохумджо-даро (Majumdar, 1934); 13 – Дашлы 1 (Сарианиди, 1976); 14 – Сапалли-тепе, помещение (Аскаров, 1973); 15 – Тоголок 24, погребение № 25 (Сарианиди, 1990); 16 – Тоголок 1 (Сарианиди, 1990); 17, 18 – Тахирбай 3, подъемный материал (Массон, 1959); 19, 20 – могильник Бустон VI, погребение № 219 (Kaniuth, Teufer, 2001). 2, 3, 5, 6 – без масштаба, размеры не указаны; 12 – без масштаба, диаметр примерно 2,3 см, высота примерно 1,6 см.

Fig. 6. Stone beads ornamented with circles from sites of the Bronze Age in Central Asia and Middle East:

1 – Hissar III C, burial CF 47, x-2; 2, 3 – Hissar III; 4 – Mundigak, Tepe F, upper layer, room 75; 5, 6 – southern hill of Anau, terrace B; 7 – cemetery of Gonur, burial N 183; 8, 9 – Northern Gonur, monumental installations; 10 – Dashly 3; 11 – Sazagan, burial N 2; 12 – Lohumjo-daro; 13 – Dashly 1; 14 – Sapalli-tepe, room; 15 – Togolok 24, burial N 25; 16 – Togolok 1; 17, 18 – Tahirbay 3, surface finds; 19, 20 – cemetery of Buston VI, burial N 219. 2, 3, 5, 6 – without scale, dimensions unspecified; 12 – without scale, diameter ca 2,3 cm, height ca 1,6 cm.

культуры Сапалли), что свидетельствует о культурных контактах оседлого земледельческого населения Юго-Восточного Туркменистана и Южного Узбекистана. Иногда в сапаллинских археологических комплексах встречаются бусины-пряслица, которые исполнены в иной традиции, распространенной на юго-западе Туркменистана (сумбарские могильники) и на некоторых памятниках Северо-Восточного Ирана (Шах-тепе III–II), что, видимо, свидетельствует о связях, существовавших в эпоху поздней бронзы между двумя столь отдаленными друг от друга регионами, как Юго-Западный Туркменистан и Южный Узбекистан. Это наблюдение важно еще и потому, что в Юго-Восточном Туркменистане находки бусин-пряслиц, выполненных в сумбарско-шахтепинских традициях, отсутствуют.

В завершение обзора усеченно-биконических бусин-пряслиц следует сказать, что они, вероятно, служили утяжелителями для орудий прядения или вязания (рис. 5) (Кирчо, 2005а. С. 384; Хлопин, 1983. С. 22).

В конце периода Намазга V в подгорной полосе Копетдага каменные бусины-пряслица начинают украшать, о чем свидетельствуют два упомянутых в начале статьи изделия, украшенные резным геометрическим орнаментом. Эти поделки, обнаруженные А. Ф. Ганялиным на раскопе «вышки» Алтын-депе, являлись частью уже упоминавшегося клада 2 (Ганялин, 1967. С. 214, 216, Рис. 6, 2, 3). Он относится к более позднему, чем горизонт Алтын 0, строительному периоду, застройка которого не сохранилась и который, видимо, существовал в самом конце III тыс. до н. э. Именно этим временем и следует датировать обе украшенные находки.

Традиция украшать бусины-пряслица подобным узором сохраняется и в период Намазга VI. На это указывают артефакты из поселений Тоголок 21 и Аджи Куи 8 (Сарианиди, 1990. С. 285, Табл. LXXX, 2; Hiebert, 1994. P. 153, fig. 9, 17; Masimov et al., 1998. P. 45, fig. 5, 10).

Резные геометрические орнаменты представлены также на поделках из могильника Гонура (Сарианиди, 2007. P. 116, fig. 216, 218, а, слева, 219, b). Однако вопрос о том, к какому периоду (Намазга V или Намазга VI) следует относить изделия, обнаруженные в могилах этого некрополя, остается открытым.

Известны и другие типы орнаментации каменных бусин-пряслиц. На северо-восточном склоне Алтын-депе автор этих строк подобрал

в 1978 г. поделку, украшенную узором в виде трех маленьких кругов, которые прорезаны на ее поверхности. Возможно, что этот до сих пор не опубликованный артефакт был связан с разрушенным археологическим контекстом раскопа «вышки», относящегося к концу III тыс. до н. э.

Аналогичные находки (рис. 6, 15), иногда украшенные не тремя, а четырьмя маленькими кругами, широко представлены в кроющем слое поселений, расположенных в древней дельте реки Мургаб, и в связанных с ними погребениях (Адам Бажин V; Аджи Куи 1, 2, 3, 4, 8; Аучин 1; Таип 9; Тахирбай 7, 12; Тоголок 2, 8, 24). Упомянутые изделия, отличающиеся от неорнаментированных бусин-пряслиц более крупными размерами и, очевидно, являющиеся украшениями, относятся к периоду Намазга VI (Масимов, 1979. С. 125; Массон, 1959. С. 23, 181, 213, табл. XIII, 2, 3; Сарианиди, 1990. С. 11, 28, 43, 46, 50, 55, 57, 65, 139, 208, табл. III, 20; С. 230, табл. XXV, 6, 7, 11, 12, 14, 15; С. 284, табл. LXXIX, 12–14; С. 285, табл. LXXX, 4, 5; Masimov et al., 1998. P. 45, Fig. 5, 1–9, 11).

Большая серия подобных находок происходит из могильника, относящегося к поселению Гонур (рис. 6, 7) (Сарианиди, 2001. С. 69, 159, табл. 24, 9; Sarianidi, 2007. P. 116, fig. 218, а, справа, 219, а). Встречены они также и в монументальных сооружениях Гонура (рис. 6, 8, 9) (Сарианиди, 1998. P. 49, fig. 17, 15, 16), и в кроющем слое городища (Сарианиди, 1990. С. 28), которое было заброшено около 1500 г. до н. э. (Зайцева и др., 2008).

Такие же изделия выявлены на поверхности поселений Тоголок 1, Тоголок 21 (Сарианиди, 1990. С. 43, 50) и Тахирбай 3 (Массон, 1959. С. 23, 181, 213, табл. XIII, 2, 3), оставленных в конце XVI в. до н. э. (рис. 6, 16–18).

В Центральном Туркменистане находки бусин-пряслиц с кружковым орнаментом известны только на южном холме Анау (рис. 6, 5, 6). Имеется информация о трех находках подобного рода. Все они обнаружены на террасе В. Две из них залегали между отметками 23 фута, 7 дюймов и 25 футов, а третья находилась глубже, между отметками 21 фут, 5 дюймов и 23 фута, 7 дюймов (Pumpelly, 1908. Vol. 1, P. 160, 161, fig. 320, Pl. 41, 8, 42, 1). Эти уровни, видимо, соответствуют периодам ранее Намазга VI и развитое Намазга VI (Массон, 1959. С. 98). Таким образом, данные находки, вероятно, относятся к первой четверти-началу второй четверти II тыс. до н. э.

Несколько бусин-пряслиц с кружковым орнаментом представлены также в отложениях раннего этапа культуры Сапалли, где они были найдены в помещениях (рис. 6, 14), раскопанных на эпонимном поселении (Аскарлов, 1973. С. 97, 162, табл. 24, 1–4, 18; 1977. С. 71, 198, табл. XXXIV, 1, 5). Эти находки датируются началом первой четверти II тыс. до н. э.

Бусина-пряслице с кружковым орнаментом обнаружена также в захоронении № 2 близ села Сазаган (рис. 6, 11). Погребальный инвентарь этой могилы, по мнению Н. А. Аванесовой, относится к XIX–XVIII вв. до н. э. (Аванесова, 2010б. С. 345, рис. 3, 14; С. 356, 359).

Пять бусин-пряслиц найдено во время раскопок могильника сапаллинской культуры Бустон VI (письмо Н. А. Аванесовой автору от 13.10.2011 г.), в котором выявлены захоронения молалинского и бустонского этапов (Аванесова, 2009. С. 10, 11). Рассматриваемые изделия зафиксированы в могилах бустонского этапа (рис. 6, 19, 20), причем опубликованы только поделки из погребения № 219 (Там же. С. 50, рис. 16, II, 10, 12; Аванесова, 2007. Р. 86, II, 10, 12; Kaniuthh, Teufer, 2001. S. 107, Abb. 12, 3, 4; письмо Н. А. Аванесовой автору от 13.10.2011 г.).

С точки зрения Н. А. Аванесовой, все эти находки относятся к первой четверти I тыс. до н. э. (Аванесова, 2009. С. 7). Однако описанное выше стратиграфическое залегание степной керамики в древней дельте реки Мургаб на поселении Тохирбай 3, станковая керамика которого чрезвычайно близка керамическому комплексу бустонского этапа сапаллинской культуры, позволяет утверждать, что бустонский этап относится к более древней эпохе, чем предполагали ранее, и, вероятно, датируется XVI в. до н. э.

Аналогичная бусина-пряслице обнаружена в Северо-Восточном Иране на поселении Гисар (рис. 6, 1) в погребении CF 47, х-2, относящемся к периоду III С (Schmidt, 1937. P. 237, 257, fig. 161, Pl. LXX, N 2788), который датируется в интервале от 2150 г. до н. э. до 1885 г. до н. э. (Dyson, Lawn, 1989. P. 142).

По меньшей мере еще три таких же изделия (рис. 6, 2, 3) происходят из отложений периода Гисар III (Schmidt, 1933. Pl. CXLVI, N 490c). К сожалению, в публикации не сказано, к какому подпериоду слоя относятся эти поделки, которые, если ориентироваться на даты других находок, не могли быть изготовлены ранее последней четверти III тыс. до н. э.

Подобная бусина-пряслице обнаружена в тепе F (рис. 6, 4) на поселении Мундигак (Юго-Восточный Афганистан). На этом всхолмлении были вскрыты два строительных горизонта, давшие, к сожалению, невыразительный материал. Тем не менее Ж. Казаль нашел в нижнем горизонте алебастровые сосуды, аналогичные сосудам горизонта 3 периода IV холма А, и синхронизировал этот горизонт с ранним напластованием холма F (2400–2300 гг. до н. э.). Верхний горизонт, в котором и залегало рассматриваемое изделие, Казаль атрибутировал как горизонт IV 4, отсутствующий на других участках поселения (Casal, 1961. Vol. 1, P. 79–81, 243; Vol. 2, fig. 138, 37). Это отложение следует датировать последней четвертью III тыс. до н. э.

Аналогичные поделки встречены и в культурных напластованиях поселений Дашлы 1 (рис. 6, 13) и Дашлы 3 (рис. 6, 10) в Северном Афганистане (Сарианиди, 1976. С. 40, 42, 83, рис. 26, 7; 1977. С. 102–104, рис. 54, 5, 6, 8, 9), причем Дашлы 3 датируется рубежом III и II тыс., а Дашлы 1, вероятно, – первой четвертью II тыс. до н. э. (Алэкишин, 2010а. С. 38).

Бусина-пряслице с кружковым орнаментом найдена при раскопках городища Лохумджо-даро, расположенного на юго-западе Пакистана (Majumdar, 1934. P. 58, Pl. XXXIII, 23). Она залегала в постхараппских слоях культуры Джхукар (рис. 6, 12), которая датируется 1900–1700 гг. до н. э. (Possehl, 2002. P. 29).

Территориальное распространение и хронологическое распределение бусин-пряслиц с орнаментом в виде окружностей в археологических комплексах Центральной Азии и Среднего Востока (рис. 7) позволяют сделать три вывода.

Во-первых, эти вещи, существующие на юго-востоке Туркменистана от конца III тыс. до н. э. до конца второй четверти II тыс. до н. э., являются хронологическими индикаторами для датирования археологических комплексов Центральной Азии и Среднего Востока конца среднего–позднего бронзового века. В Юго-Восточном Туркменистане они появляются на финальном этапе периода Намазга V и существуют до конца периода Намазга VI. В комплексах типа Яз I и синхронных ему памятниках Южного Узбекистана они не представлены.

Во-вторых, рассматриваемые изделия имеют центральноазиатское происхождение, так как являются одной из категорий массового археологического материала, прежде всего в Юго-Восточном

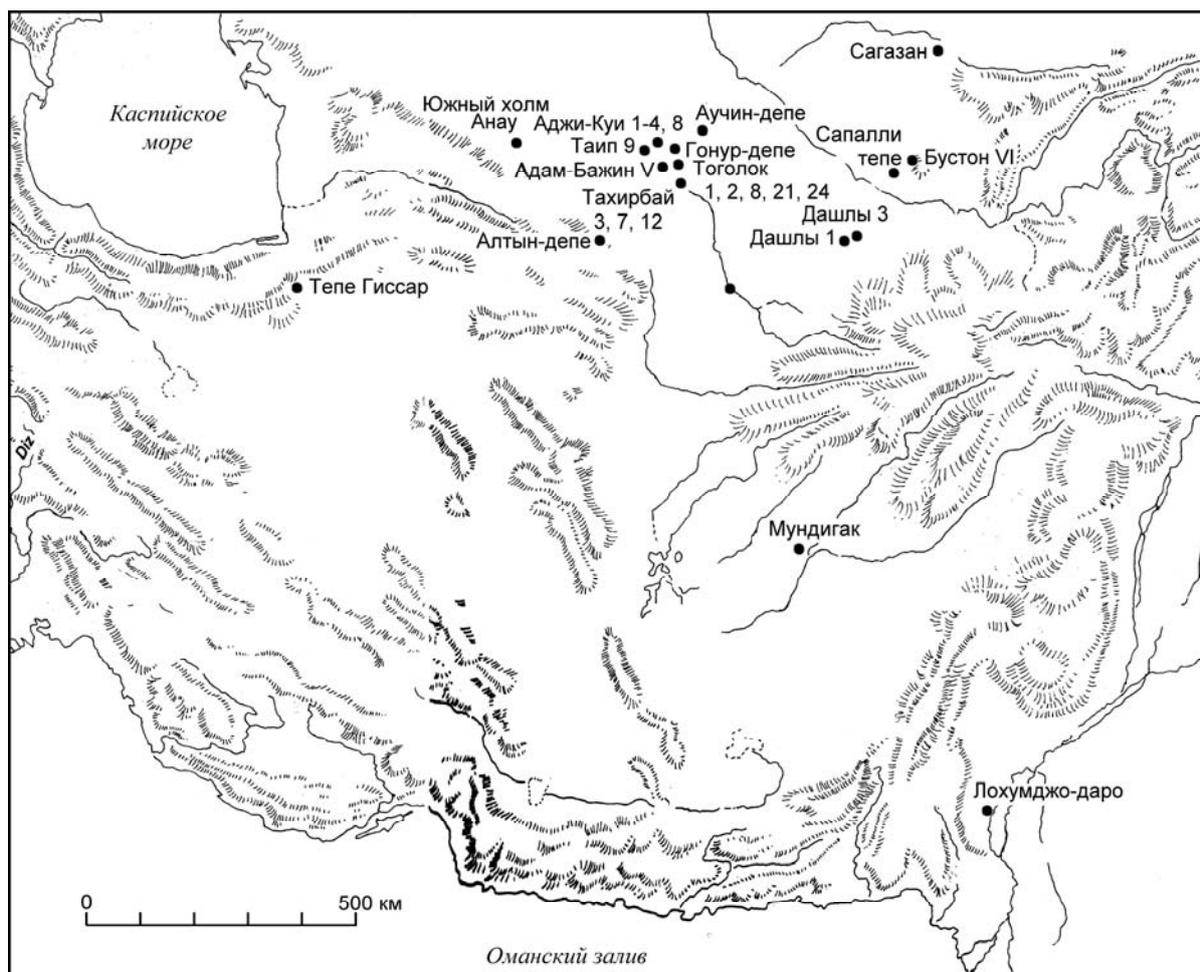

Рис. 7. Археологические памятники Центральной Азии и Среднего Востока конца III – середины II тыс. до н. э., на которых найдены каменные бусины-пряслица с орнаментом в виде кругов.

Fig. 7. Archaeological sites of Central Asia and Middle East of the late 3rd – mid-2nd millennia BC where stone beads/spindle whorls ornamented with circles were found.

Туркменистане (поселения и могильники Мургабского оазиса). За его пределами эти находки довольно многочисленны на поселениях Северного Афганистана (Дашлы 1, Дашлы 3). Возможно, это обстоятельство указывает на культурные связи древнего населения Южного Туркменистана с племенами, населяющими Северный Афганистан. В Центральном Туркменистане (южный холм Анау) и на Среднем Востоке встречены лишь единичные поделки такого рода: Северо-Восточный Иран (Гисар IIIС), Юго-Восточный Афганистан (Мундигак F) и Юго-Западный Пакистан (Лохумджо-даро). Все рассматриваемые бусины-пряслица выполнены в традиции Юго-Восточного Туркменистана.

В-третьих, в Центральной Азии вне ареала анауской культуры эти изделия представлены

лишь на юге Узбекистана (погребение № 2 у села Сагазан, поселение Сапалли, могильник Бустон VI), что свидетельствует о культурных контактах оседлого земледельческого населения Юго-Восточного Туркменистана и Южного Узбекистана в эпоху позднего бронзового века (период Намазга VI).

Аванесова, 1995 – Аванесова Н. А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // АВ. 1995. № 4.

Аванесова, 2009 – Аванесова Н. А. Хронология древнеземледельческих памятников Северной Бактрии эпохи поздней бронзы // Центральная Азия и Южная Сибирь. М., 2009. Альманах 1.

Аванесова, 2010а – Аванесова Н. А. К проблеме относительной хронологии и периодизации сапаллинской культуры // Археология Узбекистана. Самарканд, 2010. № 1.

Аванесова, 2010б – Аванесова Н. А. Зеравшанская культурная провинция бактрийско-маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010 (Труды МАЭ; Т. 3).

- Алёкишин, 2005 – Алёкишин В. А. Захоронения Алтын-депе (основные компоненты погребального обряда) // Хронология эпохи позднего неолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 2. Гл. 4 (Труды ИИМК РАН; Т. 16).
- Алёкишин, 2010а – Алёкишин В. А. Датировка могильника Заманбаба (по материалам терракот Центральной Азии эпохи неолита и бронзового века) // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: Материалы междунар. конф. (Самарканд, 7–8 сентября 2008 г.). Самарканд; Ташкент, 2010.
- Алёкишин, 2010б – Алёкишин В. А. Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки // Древние культуры Евразии. СПб., 2010.
- Алёкишин, 2011 – Алёкишин В. А. Терракотовые, глиняные и каменные «навершия» Алтын-депе // ЗИИМК РАН. 2011. № 6.
- Алёкишин, 2012 – Алёкишин В. А. К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
- Алёкишин, Кирчо, 2005 – Алёкишин В. А., Кирчо Л. Б. Каталог погребений Алтын-депе // Хронология эпохи позднего неолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 1 (Труды ИИМК РАН; Т. 16).
- Аскаров, 1973 – Аскаров А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Аскаров, 1976 – Аскаров А. А. Бронзовый век Южного Узбекистана (к проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976.
- Аскаров, 1977 – Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскаров, Абдуллаев, 1983 – Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
- Виноградова, 2008 – Виноградова Н. М. Земледельческое поселение и могильник Кангурттут – памятник эпохи поздней бронзы // Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филлимонова Т. Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). М., 2008.
- Виноградова, 2009 – Виноградова Н. М. Относительная и абсолютная хронология земледельческих памятников Юго-Западного Таджикистана в эпоху поздней бронзы // Центральная Азия и Южная Сибирь. М., 2009. Альманах 1.
- Ганялин, 1967 – Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959–1961 гг. на Алтын-депе // СА. 1967. № 4.
- Гулямов и др., 1966 – Гулямов Я. Х., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана // Труды Махандарьинского отряда Узбекской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Ташкент, 1966. Кн. 1.
- Дайсон, 1986 – Дайсон Р. Повторное исследование тепе Гиссара // Древние цивилизации Востока (материалы II советско-американского симпозиума). Ташкент, 1986.
- Дайсон, Ховард, 1983 – Дайсон Р. Х., Ховард С. М. Повторное изучение памятника тепе Хиссар // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II советско-американский симпозиум: Тез. докл. Ташкент, 1983.
- Зайцева и др., 2008 – Зайцева Г. И., Дубова Н. А., Семенов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // ТМАЭ. 2008. Т. 2.
- Кирчо, 2005а – Кирчо Л. Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего неолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 2. Гл. 3 (Труды ИИМК РАН; Т. 16).
- Кирчо, 2005б – Кирчо Л. Б. Таблицы // Там же. Ч. 1 (Труды ИИМК РАН; Т. 16).
- Кирчо, 2008 – Кирчо Л. Б. Технология производства и типология изделий из глины на Алтын-депе в эпоху неолита // Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Техничко-технологический потенциал неолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008.
- Крэддок, Флэтчер, 2012 – Крэддок П., Флэтчер Ф. Сообщение об анализе железной булавки из Гонура // Труды МАЭ. М., 2012. Т. 4.
- Кузьмина, 1964 – Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964.
- Кузьмина, 2008 – Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.; СПб., 2008.
- Курбансахатов, 1987 – Курбансахатов К. Энеолит Анау. Ашхабад, 1987.
- Кутимов, 1999 – Кутимов Ю. Г. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 1999. № 2.
- Кутимов, 2002 – Кутимов Ю. Г. Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазагагыбской культуры Южного Приаралья // АВ. 2002. № 9.
- Кутимов, 2005 – Кутимов Ю. Г. Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // АВ. 2005. № 12.
- Кутимов, 2009 – Кутимов Ю. Г. Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
- Масимов, 1979 – Масимов И. С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1.
- Массон, 1959 – Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (МИА; № 73).
- Массон, 1960 – Массон В. М. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1953–1957 гг.) // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. 10.
- Массон, 1966 – Массон В. М. Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.
- Массон, 2006 – Массон В. М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб., 2006.
- Пьянкова, 1994 – Пьянкова Л. Т. Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1994. Вып. 19.
- Сарианиди, 1975 – Сарианиди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2.
- Сарианиди, 1976 – Сарианиди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976.
- Сарианиди, 1977 – Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.
- Сарианиди, 1984 – Сарианиди В. И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции М., 1984. Вып. 3.
- Сарианиди, 1989 – Сарианиди В. И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. М., 1989. № 1.
- Сарианиди, 1990 – Сарианиди В. И. Древности страны Маргущ. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди, 1994 – Сарианиди В. И. Маргиана на Древнем Востоке // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1994. Вып. 19.
- Сарианиди, 2001 – Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди, 2008 – Сарианиди В. И. Тайна и правда великой культуры. Ашгабат, 2008.
- Удеумрадов, 1994 – Удеумрадов Б. Н. Древние земледельцы Южной Маргианы // АВ. 1994. № 3.

- Хлопин*, 1963 – *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении (энеолит южных областей Средней Азии). М.; Л., 1963. Ч. 1 (САИ; БЗ–8).
- Хлопин*, 1983 – *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы: По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.
- Хлопин*, 2002 – *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002 (Тр. ЮТАКЭ; Т. 21).
- Хлопина*, 1978 – *Хлопина Л. И.* Намазга-тепе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.
- Ширинов*, 1993 – *Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии (по материалам городища Джаркутан): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.
- Щетенко*, 1999 – *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 1999. № 2.
- Щетенко*, *Кутимов*, 1999 – *Щетенко А. Я.*, *Кутимов Ю. Г.* Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // *АВ*. 1999. № 6.
- Alizadeh*, 2006 – *Alizadeh A.* The origins of state organizations in prehistoric highland Fars, Southern Iran: Excavations at Tall-e Bakun // *OIP*. 2006. Vol. 128.
- Amiet*, 1986 – *Amiet P.* L'Âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J-C. Paris, 1986.
- Arne*, 1945 – *Arne T. J.* Excavations at Shah Tepe, Iran // *Reports from the scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition. Publication 27. VII. Archaeology*. 5. Stockholm, 1945.
- Avanesova*, 1997 – *Avanesova N. A.* Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flußoase nach den Befunden der Nekropole Bustān 6 // *AMIT*. 1997. Bd 29.
- Avanesova*, 2007 – *Avanesova N. A.* Zur Chronologie frühagrарischen Fundorte im Nordbaktrien der Spätbronzezeit // *AMIT*. 2007. Bd 39.
- Besenal*, 2005 – *Besenal R.* Chronology of protohistoric Kec-Macran // *Jarrige C., Lefèvre V.* (eds.) SAA 2001. Proceedings of the Sixteenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, held in Collège de France (2–5 July 2001). Paris, 2005. Vol. 1.
- Casal*, 1961 – *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris, 1961. Vol. 1–2 (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan; T. 27).
- Cattani*, 2004 – *Cattani M.* Margiana at the end of Bronze Age and beginning of Iron Age // *У истоков цивилизации*. М., 2004 (Труды МАЭ; Т. 1).
- Delougaz*, *Kantor*, 1996 – *Delougaz P., Kantor H.* Chogha Mish. The first five seasons of excavations 1961–1971. Chicago, 1996. Vol. 1 (Oriental Institute Publications; Vol. 101).
- Dollfus*, 1971 – *Dollfus G.* Les fouilles a Djaffarabad de 1969 à 1971 // *CDAFI*. 1971. Vol. 1.
- Dollfus*, 1983 – *Dollfus G.* Tépé Djowi: contrôle stratigraphique, 1975 // *CDAFI*. 1983. Vol. 13.
- Dyson*, *Lawn*, 1989 – *Dyson R. H., Lawn B.* Key stratigraphic and radiocarbon elements for the 1976 Hesār sequence // *Dyson R. H., Howard S. M.* (eds.). Tappē Hesār. Reports of the restudy project, 1976. Firenze, 1989.
- Egami*, *Sono* 1962 – *Egami N., Sono T.* Marv-Dasht II. The excavation at Tall-i-Gap 1959 // *The Tokyo university Iraq–Iran archaeological expedition. Report 3*. Tokyo, 1962.
- Francfort*, 1983 – *Francfort H.-P.* Excavations at Shortughai in north-east Afghanistan // *AJA*. 1983. Vol. 87. N 4.
- Francfort et al.* 1989 – *Francfort H.-P.* Avec des contributions de Ch. Boisset, L. Buchet, J. Desse, J. Echallier, A. Kermorvant, G. Willcox. Fouilles de Shortughai. Vol. 1–2. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique // *Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale*, Paris, 1989. T. 2.
- Görsdorf*, *Huff*, 2001 – *Görsdorf J., Huff D.* 14C-Datierung von Materialien aus der Grabung Džarkutan, Uzbekistan // *AMIT*. 2001. Bd 33.
- Hiebert*, 1994 – *Hiebert F. T.* Origins of the bronze oasis civilization in Central Asia // *ASPF*. 1994. Bulletin 42.
- Jarrige*, 1994 – *Jarrige J.-F.* The final phase of the Indus occupation at Nausharo and its connection with the Following cultural complex of Mehrgarh VIII // *A. Parapola, P. Koskikallio* (eds.). SAA, 1993. Proceedings of the Twelfth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University (5–9 July, 1993). Helsinki, 1994. Vol. 1.
- Jarrige*, 1996 – *Jarrige J.-F.* Les fouilles de Nausharo au Balochistan Pakistanais et leur contribution à l'étude de la civilisation de l'Indus // *CRAIBL*. 1996. Juillet–October. Fsc. III.
- Kaniuth*, 2006 – *Kaniuth K.* Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien // *Archäologie in Iran und Turan. Deutsches archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung*. Berlin, 2006. Bd 6.
- Kaniuth*, *Teufer*, 2001 – *Kaniuth K., Teufer M.* Zur Sequenz des Gräberfelders von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien // *AMIT*. 2001. Bd. 33.
- Lamberg-Karlovsky*, 1970 – *Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967–1969: Progress report 1. Cambridge, Massachusetts, 1970.
- Langsdorff*, *McCown*, 1942 – *Langsdorff A., McCown D. E.* Tall-i-Bakun A // *OIP*. 1942. Vol. 59.
- Mackay*, 1938 – *Mackay E. J. H.* Further excavations at Mohenjo-daro. New Delhi, 1938. Vol. 1–2.
- Mackay*, 1943 – *Mackay E. J. H.* Chanhu-daro excavations 1935–1936 // *AOS*. 1943. Vol. 20.
- Majumdar*, 1934 – *Majumdar N. C.* Explorations in Sind // *MASI*. 1934. N 48.
- Masimov et al.*, 1998 – *Masimov E., Salvatori S., Udeumurovov B.* Preliminary analysis of the Bronze Age material collected by the Margiana archaeological project and a first chronological assessment // *Gubaev A., G. Koshelenko, M. Tosi* (eds.). The archaeological map of the Murgab delta. Preliminary reports 1990–1995: Text and figures. Istituto italiano per l' Africa e l' Oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Series minor. Roma, 1998. Vol. 3.
- Possehl*, 2002 – *Possehl G. L.* The Indus civilization. A contemporary perspective. New Delhi, 2002.
- Pumpelly*, 1908 – *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilization of Anau. Washington, 1908. Vol. 1–2.
- Quivron*, 2000 – *Quivron G.* The evolution on the mature Indus pottery style in the light of the excavations at Nausharo, Pakistan // *EW*. 2000. Vol. 50. N 1–4.
- Salvatori*, 1995 – *Salvatori S.* Gonur-Depe I (Margiana, Turkmenistan): the middle bronze age graveyard, preliminary report on the 1994 excavation campaign // *Rivista di Archeologia*. Roma, 1995. Anno XIX.
- Salvatori*, *Tosi*, 2005 – *Salvatori S., Tosi M.* Shahr-i Sokhta revised sequence // *Jarrige C., Lefèvre V.* (eds.) SAA, 2001. Proceedings of the Sixteenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, held in Collège de France (2–5 July 2001). Paris, 2005. Vol. 1.
- Salvatori*, *Vidale*, 1997 – *Salvatori S., Vidale M.* Shahr-i Sokhta 1975–1978: central quarters excavations: Preliminary report // *Istituto italiano per l' Africa e l' Oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Series minor*. Roma, 1997. Vol. 1.
- Sarianidi*, 1986 – *Sarianidi V. I.* Le complexe culturel de Togolok-21 en Margiane // *Aas*. 1986. T. 41.
- Sarianidi*, 1998 – *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.
- Sarianidi*, 2007 – *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. Athens, 2007.